

На правах рукописи

КВАШНИН Владимир Александрович

РАННИЕ ЗАКОНЫ О РОСКОШИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва 2015

Работа выполнена на кафедре конституционного, международного права и политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вологодский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Михайловский Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет», заведующий кафедрой всеобщей истории Института гуманитарных наук.

Махлаюк Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», заведующий кафедрой истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории.

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет», профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 12 февраля 2016 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д. 212.198.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), по адресу: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) по адресу: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д.6. и на сайте РГГУ по адресу: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=12156>

Автореферат разослан «9» ноября 2015 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета Д 212.198.03

кандидат исторических наук, доцент

Елена Владимировна Барышева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В настоящее время в научной литературе законы о роскоши зачастую воспринимаются в качестве курьезного реликта правовых систем древности и средневековья¹. Во многом это связано с широко распространенным в литературе представлением о том, что в их основе лежит ограничение права индивида на самовыражение, которое рассматривается, прежде всего, в контексте потребительства. Отторжение самой идеи законодательства, ограничивающего «потребительские» свободы индивида, приводит к часто встречающемуся, хотя и, как правило, никак не обосновываемому выводу о том, что вне зависимости от целей и причин, вызвавших к жизни те или иные законы о роскоши, они заведомо были обречены на неудачу. Законы о роскоши, таким образом, предстают в качестве тупикового направления правовой мысли древности и последующих за ней эпох. Однако еще в эпоху Просвещения такие законы воспринимались в качестве одного из атрибутов цивилизованного общества². Как известно, законы о роскоши получили широкое распространение в ряде древних и средневековых обществ. В античном обществе они выполняли ряд важных функций, на что обращалось внимание как отечественными, так и зарубежными исследователями³. В первую очередь речь идет об их социальной роли, позволяющей рассматривать законы о роскоши в качестве инструмента эгалитаризма, позволяющего снижать издержки социального расслоения в римской общине. С ней тесно связана идеологическая функция, способствовавшая через утверждение определенной системы ценностных ориентиров формированию национальной модели «идентичности», комплекса мировоззренческих установок, определяемого исследователями как римский национальный характер⁴. Важное значение имеет также политическая функция законов о роскоши, снижавшая остроту внутривнутриполитической борьбы и в частности конкуренцию в среде нобилитета. Наконец, следует указать на экономическое значение законов о роскоши, способствовавших поддержанию стабильности экономического положения римской фамилии, особенно той их части, которая относилась к нобилитету. Следует отметить, что законы о роскоши не являются феноменом, «работающим» только в условиях доиндустриального типа

¹ *Sauerwein I.* Die leges sumptuarie als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg, 1970. S. 1.

² *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / Сост., пер. и комм. А.В. Матешук. М., 1999. С. 45-46, 93.

³ *Штаерман Е.М.* История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 62-63; *Кнабе Г. С.* Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // *Культура древнего Рима*. Т. 2. М., 1986. С.161-163; *Baltrusch E.* Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989. S. 40 ff.

⁴ *Bonamente M.* Leggi sumptuarie e loro motivazione // *Tra Graecia e Roma. Temi Antichi e Metodologie Moderne*. Roma, 1980. P. 75-83; *Gruen E.S.* Studies in Greek Culture and Roman Policy. Berkeley-LA-London, 1996. P. 170-171; *Ligt de L.* Restraining the Rich, Protecting the Poor: Symbolic Aspects of Roman Legislation // *After the Past. Essays in Ancient History in Honour of H.W. Pleket* / Ed. by W. Jongman, M. Kleijwegt. Leiden-Boston-Köln, 2002. P. 2-12.

цивилизации. Как отмечает А. Ботильери, первые дебаты относительно роскоши протекали в Европе Нового времени в контексте теории меркантилизма⁵. Начиная с XVII в. трудности реального контроля за потреблением предметов роскоши вызвали убеждение в целесообразности введения налогов на определенные группы товаров, потребление которых свидетельствовало о высокой покупательной способности данного лица. Фактически речь шла о необходимости введения повышенного уровня налогообложения богатейшей части населения в интересах малоимущей части общества. Возникнув в Италии, где с XVI в. существовал налог на лошадей, налоги на предметы роскоши повсеместно стали вводиться на территории Западной Европы в XVII- XVIII вв. Существовали подобные налоги и в России, где помимо налога на игральные карты, взимавшегося в интересах Императорского Воспитательного дома в Москве, в 1892 г. был введен налог на охоту, а в ряде городов были установлены местные сборы с собак, лошадей и экипажей⁶. В XX в. повышенное налогообложение предметов роскоши, к которым обычно относят дорогие автомобили, яхты и недвижимость, время от времени вводилось в Германии, Франции, США, а в странах Северной Европы они стали органичной частью национального законодательства, наглядно демонстрируя социальный характер государства. В современной России уже достаточно давно ведется дискуссия о необходимости введения аналогичного законодательства, которая активизировалась после решения министерства финансов о введении в ближайшие годы повышенного налогообложения дорогой недвижимости и автомобилей. В этой связи законы о роскоши могут рассматриваться в качестве одного из инструментов социального государства в РФ. Таким образом, исследование античных законов о роскоши, являющихся нормативным образцом аналогичного европейского законодательства Нового и Новейшего времени, является актуальным и имеет не только теоретическое, но и практическое значение, позволяя видеть как сильные, так и слабые стороны его стороны.

Объектом исследования является римская гражданская община и, в частности, ее правовая система, рассматриваемая в контексте развития *civitas*.

Предмет исследования – группа законов, изданных в Риме в IV-III вв. до н.э. и объединяемых под общим названием *leges sumptuariae*. Несмотря на все споры о содержательной и хронологической обоснованности подобной классификации, необходимо отметить, что она была создана античными авторами, четко осознававшими родство цикла законов, принимавшихся на протяжении нескольких столетий.

⁵ Bottiglieri A. La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. Napoli, 2002. P. 23

⁶ Белковский Г. Роскошь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVII (53). С. 105.

Цель работы – комплексный анализ римских законов о роскоши периода Республики, с момента их появления и до окончания Ганнибаловой войны, позволяющий выявить черты, характеризующие специфику данной группы законодательства, его сущностные и функциональные характеристики.

Поставленная цель была достигнута через решение ряда **исследовательских задач**:

1. Прослежено зарождение (прото) сумптуарных норм в позднеродовом и раннеклассовом обществе, охарактеризованы пути их развития и связь данного вида законодательства с особенностями античной цивилизации.

2. Исследована проблема наличия законов о роскоши в архаическом Риме, что позволило существенно продвинуться в уточнении времени и предпосылок возникновения римских сумптуарных законов.

3. Проанализирован социально-экономический контекст принятия закона Клавдия (*lex Claudia de nave senatorum*) 218 г. до н.э., что позволяет уточнить существующие в историографии подходы относительно его содержания, целей и причин, вызвавших к жизни этот закон.

4. Дана подробная характеристика содержания, целей, авторства и времени принятия законов о роскоши, принятых в период Ганнибаловой войны (*lex Metilia fullonibus dicta* 217, *lex Oppia de sumptu* 215, *lex Publilia de cereis* 209, *lex Cincia de donis et muneribus* 204 гг. до н.э.), впервые в историографии рассматриваемых как единый комплекс законодательных актов, принятых представителями римской политической элиты в целях минимизации последствий неудачного для Рима начального периода войны.

5. Сформулирована концепция генезиса и эволюции римского сумптуарного законодательства, выделены основные тенденции и закономерности данного процесса.

Хронологические рамки обусловлены задачами исследования и особенностями источниковой базы. Насколько позволяют судить источники, первые ограничения роскоши в среде высших сословий появляются в Риме в первой половине IV в. до н.э., совпадая по времени с завершением в общих чертах процесса формирования римской гражданской общины. В то же время, некоторые древние авторы, а вслед за ними и современные исследователи связывают их появление с архаическим периодом римской истории, и, в частности, с эпохой законов XII таблиц. Это обусловило необходимость подробного исследования генезиса сумптуарного законодательства в древнем Риме, выявления его социальных и идеологических предпосылок⁷. С другой стороны,

⁷ Данный термин в русскоязычных работах использует Л.Л. Кофанов (*Кофанов Л.Л.* Государственная собственность и частный интерес в древнеримском праве // ДП. 2005. № 15. С. 65). Одним из значений лат.

необходимо отметить, что наиболее изученными являются законы о роскоши, принятые с конца II в. до н.э. до времени принципата Тиберия, тогда как предшествующее ограничительное законодательство изучено очень слабо. Хотя отдельным законам эпохи Ганнибаловой войны посвящено немало число статей, ощущается отсутствие обобщающей работы, в которой был бы проведен комплексный и системный анализ мер против роскоши в Риме в IV-III вв. до н.э. Обращает также на себя внимание известная специфика сумптуарных законов этого времени, вызванная не только внешними (серия тяжелейших войн с Пирром и Карфагеном), но и внутренними процессами, вызванными трансформацией социальной структуры римской общины. Это позволило выделить в качестве отдельной группы законы, принимавшиеся в Риме с начала IV до конца III вв. до н.э., обозначив их как «ранние» законы о роскоши. На оправданность подобного вычленения в массиве сумптуарного законодательства особой группы законов, указывает периодизация, присутствующая в работах ряда зарубежных и отечественных исследователей, в которой период после окончания Второй Пунической войны однозначно трактуется как поворотный пункт в развитии законов о роскоши, получивших с конца II в. до н.э. новый смысл и содержание⁸.

Источниковая база исследования

В силу специфики исследуемой проблематики, относящейся к историко-правовой области, в ходе исследования использовались в основном нарративные источники. Еще одной особенностью является то, что не сохранился текст ни одного из законов о роскоши, что значительно сужает возможности исследователя, которому приходится довольствоваться сведениями об их содержании (как правило, очень краткими), содержащимися в античной литературе. Это обусловило необходимость привлечения широкого круга источников, от произведений комедиографов и поэтов до данных нумизматики, эпиграфики и археологии.

Основным источником по истории римского сумптуарного законодательства являются два больших отрывка из сочинений Авла Геллия (II в.) и Амвросия Феодосия Макробия (V в.). Дополнениям к ним служат сообщения Цицерона, Ливия, Плиния Старшего и Афиней, в которых содержится упоминание об отдельных законах о роскоши. В связи с этим основное внимание исследователей сосредоточено на 24-й главе II книги «Аттических ночей» Авла Геллия и 17-й главе III книги «Сатурналий» Макробия. Два

sumptus являются чрезмерные расходы, связанные с расточительным образом жизни: траты на пиршества, одежду, украшения и утварь, погребения и др. Производным от sumptus является правовой термин *leges sumptuariae*, смысл которого на русский язык и передается как «законы о роскоши».

⁸ *Sauerwein I.* Op. cit. S. 167-168; *Baltrusch E.* Op. cit. S.124-128; *Кнабе Г. С.* Указ. соч. С.161-163; *Ляпустин Б. С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Сб. статей. Н. Новгород, 1991. С.52-60.

этих отрывка настолько близки по структуре и содержанию, что позволило исследователям поставить вопрос о заимствовании Макробием сведений, приводимых Авлом Геллием, либо зависимости обоих авторов от одного источника⁹. Вместе с тем были выявлены и определенные различия – не совпадает перечень законов о роскоши, приводимый авторами, отличаются хронологические рамки, датировка отдельных законов и др., что указывает на то, что Авл Геллий и Макробий могли пользоваться различными источниками. Как сообщает сам Авл Геллий, он использовал сведения из сочинения «*Copieatanea*» («Записная книжка»), принадлежащего видному юристу начала I в. н.э. Гаю Атею Капитону. Сходство сведений, сообщаемых Геллием и Макробием позволяет предположить, что последний также использовал сочинение Капитона либо напрямую, либо через посредничество какого-то автора, скорее всего, Саммоника Серена, на которого он дважды ссылается в 17-й главе своего труда.

Как можно видеть, отличительной чертой источниковой базы по истории римского сумптуарного законодательства является отсутствие как аутентичных текстов законов, так и сочинений римских юристов, т.е. собственно юридических источников. Исключением является лишь труд Капитона, который дошел лишь в передаче анналистических и антикварных сочинений. В сохранившихся древних правовых памятниках отсутствует развернутая характеристика *leges sumptuariae* в качестве определенного вида законодательства. Нет упоминаний о законах о роскоши и в «*Edictum Perpetuum*», источнике преторского права, даже несмотря на наличие короткого титула, посвященного погребениям. Хотя в тексте Дигест Юстиниана встречается термин *sumptus*, контекст его употребления далек от законов о роскоши¹⁰.

Исчезнув к началу I в. н.э. законы о роскоши долгое время не вызывали большого интереса не только в связи с утратой актуальности, но и из-за отсутствия информации о них. По-видимому, за исключением Гая Атея Капитона, заставшего при жизни последние законы о роскоши, этот вид законодательства так и не привлек внимания римских юристов. Всплеск интереса к законам о роскоши приходится на II в., когда центральным явлением духовной жизни римского общества становится «классицизм», принявший четкие очертания архаизма. Возникшая в обществе ориентация на идеализируемое прошлое вызвала активный поиск антикварного материала, его кропотливое изучение и

⁹ Обзор соответствующей литературы см.: *Bottiglieri A. Op. cit. P. 83-96.*

¹⁰ Нами были проанализированы все 14 случаев употребления термина *sumptus* и производных от него *sumptuosus* и *sumptuosa* в тексте Дигест. Практически везде он употребляется в значении просто расходов, понесенных лицом в той или иной ситуации. Единственным исключением является отрывок из 70-й книги «Комментариев к эдикту» Ульпиана, в которой в качестве *sumptuosa* описывается вещь, слишком дорогая в содержании (Dig. 28.8.5.1). Другие случаи употребления термина *sumptus* см.: Dig.3.5.9; 3.5.30.4; 5.1.79; 6.1.4.8; 10.2.39; 11.7.14.7; 24.3.42.1; 32.35.3; 35.1.80; 39.2.37; 45.1.102; 50.4.1.3; 50.7.7.

попытки воспроизвести его в подражаниях и переработках. Вместе с тем, законы о роскоши, воспринимавшиеся ко времени жизни Авла Геллия и тем более Макробия в качестве архаичного реликта республиканской эпохи, с самого начала изучались не с точки зрения правовой науки, а морально-этических категорий, поскольку в первую очередь они были призваны подчеркнуть как превосходство «древних» нравов, так и несовершенство нравов, характерных для времени жизни «архаистов» периода империи. Отсутствие полноценных источников как юридического, так и неюридического характера объясняет, почему такие вопросы как количество римских законов о роскоши, время их принятия или содержание конкретных законов по-прежнему вызывает острую дискуссию.

Степень научной разработки проблемы

Изучение законов о роскоши в науке Нового и Новейшего времени осуществлялось главным образом на материале римских *legum sumptuarum*. В работах XVIII-XIX вв., выполненных преимущественно в форме диссертаций, как правило, присутствует голый перечень законов о роскоши и некритичный пересказ источников, явно устаревший и не способствующий пониманию их сущности¹¹. В своей совокупности они справедливо оцениваются как комплекс некритичных и давно устаревших представлений, не позволяющих осветить причины возникновения и значение данной группы законов¹². С другой стороны, следует отметить, что библиография работ, составляющих основу данной историографической традиции, не так уж и велика, хотя она и охватывает значительный временной период с начала XVIII и до середины XX вв.¹³. Это утверждение будет справедливым и для современной исторической и юридической литературе, в которой законы о роскоши нашли сравнительно небольшое отражение¹⁴. К примеру, подавляющее большинство германских историков права XIX–XX вв. вообще не

¹¹ *Wolffhard J. P.* De legibus cibariis post legem Fanniam. Rinteln, 1737; *Platner F.* De legibus sumptuariis. Leipzig, 1751; *Boxman A.* De legibus Romanorum sumptuariis. Leiden, 1816; *Penning E.* De luxu et legibus sumptuariis ex oeconomia politica diducendis. Leiden, 1826.

¹² *Baltrusch E.* Op. cit. S. 40.

¹³ *Dernburg H.* Geschichte der römischen Luxusgesetzgebung // Monatsschrift des wissenschaftlichen Vereins in Zürich. 1. Jhrg. Zürich, 1856. S. 261-276; *Baudrillart H.* Histoire du luxe privé et public depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Deux. éd. Paris, 1881; *Houwing J.F.* De Romanorum legibus sumptuariis. Leiden, 1883; *Voigt M.* Über die lex Cornelia sumptuaria // Berichte über die Verhandlungen der kgl. Sächs. Akademie der Wissenschaften. Kl. 42, phil.-hist. Leipzig, 1890. S. 244-290; *Bauthian C.* Droit romain: Le luxe et les lois somptuaries. Droit français: Le luxe et les lois somptuaries. Rôle du luxe au point de vue économique. Paris, 1891; *Gatineau M.* Le luxe et les lois somptuaries. Caen, 1900; *Velleman A.* Der Luxus in seinen Beziehungen zur Socialökonomie // Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft. Bd. 56 (3). S. 498-549; *Giraudias E.* Etude historique sur les lois somptuaries. Poitiers, 1910; *Lériget M.* Des lois et impost somptuaries. Montpellier, 1919; *Kraemer-Raine P.* Le luxe et les lois somptuaries au moyen âge. Paris, 1920; *Savio E.* Intorno alle leggi sumptuariae romane // Aevum. 1940. N. 14. Fasc. I. P. 174 -194; *Aste G.* Autore e tempo della lex Licinia de sumptu minuendo // Aevum. 1941. N. 15. Fasc. I. P. 581-588.

¹⁴ *Slob E.* Luxuria. Regelgeving en maatregelen van censoren ten tijde van de Romeinse Republiek. Zutphen, 1986; *Venturini C.* Leges Sumptuariae // Index. 2004. 32. P. 355-380; *Weeber K.-W.* Luxus im alten Rom. Die öffentliche Pracht. Darmstadt, 2006; *Zanda E.* Fighting Hydra - like Luxury: Sumptuary Regulation in the Roman Republic. L., 2011.

упоминают о римских законах о роскоши. Та же тенденция характерна и для российской дореволюционной юридической литературы. Упоминание о законах о роскоши отсутствует практически во всех учебниках по истории римского права того времени¹⁵. В полной мере это относится и к советскому периоду развития российской правовой науки. По наблюдениям И. Заурвайн, если в XIX в. проблема законов о роскоши все-таки привлекала внимание исследователей, то в XX в. на долгое время она выпала из поля зрения историков и правоведов. Из написанного в первой половине XX в. всего две работы по мнению исследовательницы заслуживают внимания – статьи Б. Кюблера в «Реальной энциклопедии Паули-Виссова» 1931 г. и Э. Савио в журнале «Aevum» 1940 г., полезные в качестве подробного обзора источников и литературы, хотя и опирающиеся на устаревшие работы и при этом не свободные от ошибок¹⁶. За период, прошедший с окончания Второй мировой войны, можно назвать всего три монографические работы, принадлежащие Инго Заурвайн, Эрнсту Балтрушу и Анне Ботильери, в которых римские законы о роскоши стали предметом специального исследования.

В ряде работ, посвященных анализу феномена римских законов о роскоши, встречаются попытки классификации историографии путем выделения нескольких подходов, делающих акцент на идеологические, экономические и политические причины появления законов о роскоши¹⁷. В соответствии с предложенной логикой в диссертации был дан обзор исследовательской литературы, построенный на сочетании синхронного и диахронного срезов проблемы на основе выделения четырех условных линий развития историографии. «Политическая» линия связывает возникновение законов о роскоши в Риме с политической борьбой внутри высших сословий и ее конкретными проявлениями и злоупотреблениями в противовес распространенному с эпохи античности представлению о моральной природе введшихся ими запретов. Свое начало она берет в трудах Л. Ланге и Л. Фридендера, получив развитие в работах Э. Линтотта, А. Астина, В. Харриса, К. Хопкинса, Р. Ф. Вишни. «Социальная» линия делает акцент на социальных последствиях распространения роскоши и идеологической мотивации законов о роскоши, будучи представлена в работах Д. Дейба, Г. Клименте, Л. Ландольфи и др. В то же время еще в литературе XIX в. присутствовала «экономическая» парадигма, согласно которой появление законов о роскоши было вызвано процессами экономического развития Рима.

¹⁵ См. напр.: *Муромцев С.А.* Гражданское право древнего Рима. М., 1883; *Покровский И. А.* История римского права. Изд. 4-е. Петроград, 1918; *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. Изд. 6-е, испр. и доп. Киев, 1919. Показательно, что в юридическом латинско-русском словаре Ф. Ф. Дыдынского упоминается термин «sumtus», однако вне всякой связи с *leges sumptuariae* (*Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права (По изданию 1896 г.). М., 1997. С. 519-520).

¹⁶ *Sauerwein I.* Op. cit. S. 1.

¹⁷ *Baltrusch E.* Op. cit. S. 27-30.

Их главной целью было ограничение новых экономических и социальных явлений, порожденных римским империализмом, что было достаточно актуально для европейского общества второй половины XIX в. Данная точка зрения нашло свое развитие в работах Э. Габбы, согласно которому главной целью законов о роскоши было предотвращение экономического банкротства нобилитета в результате необдуманных или рискованных экономических операций. Эти законы, по его мнению, были необходимы для поддержания финансовой и экономической стабильности знатных семейств, что гарантировало сохранение ведущего положения, которое они занимали в обществе и политике¹⁸. Другая группа исследователей обратила внимание на связь экономических и социальных явлений в жизни римской общины в целом и ее господствующего класса в частности. Так, по мнению Й. Бляйкена законы о роскоши были вызваны тенденцией к дезинтеграции нобилитета, сопровождавшейся распадом традиционных моделей социального и экономического поведения. Реакцией на эти негативные явления было появление сразу нескольких групп нормативных актов, в связи с чем *leges sumptuaria* выполняли ту же функцию, что *leges annalis* и *leges ambitu*¹⁹. Как полагает М. Крауфорд законы о роскоши находят объяснение, если рассматривать их как средство, необходимое римской аристократии для сохранения единства своей социальной страты²⁰. С взглядами М. Крауфорда во многом солидарен Ф. Миллар, отметивший, что эти законы могут быть истолкованы в контексте потребности римской аристократии в поддержании внутригрупповой солидарности²¹. Е. М. Штаерман также полагает, что законы о роскоши были направлены на сохранение относительного равенства граждан. Она обращает внимание на то, что в них неразрывно сочетались экономические, политические и идеологические моменты²². На экономические мотивы принятия римских законов о роскоши указывает и Б. С. Ляпустин, развивающий в своих работах некоторые положения, высказанные Е. М. Штаерман. Как он отмечает, первые законы о роскоши были направлены на экономическое укрепление фамилий и недопущение непроизводительных трат их членами, поскольку от запаса прочности римской фамилии в конечном счете зависела судьба противостояния Рима и Карфагена. Таким образом, их целью была экономическая защита и хозяйственное укрепление римских фамилий за счет

¹⁸ *Gabba E.* Richezza e classe dirigente romana fra III e I sec. a.C. // RSI. 1981. 93. P.551-554 (= *Gabba E.* Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia Economica e Sociale del Mondo Antico. Milano, 1988. P. 27-44). Ср.: *Aubert J.-J.* The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection // The Cambridge Companion to the Roman Republic / Ed. by H. Flower. Cambridge, 2006. P. 168-169.

¹⁹ *Bleicken J.* Lex Publica: Gesetz und Recht in der römischen Republik. Berlin, 1975. S. 169-172, 392.

²⁰ *Crawford M.* The Roman Republic. Sussex (N.J), 1978. P. 79-80.

²¹ *Millar F.* The Political Character of the classical Roman Republic, 200 - 151 B. C. // JRS. 1984. Vol. 74. P. 9 + Not. 34.

²² *Штаерман Е.М.* Указ. соч. С. 62-63.

контроля над непроизводительными расходами²³. Близкий подход характерен и для Г. С. Кнабе, по мнению которого до конца Ганнибаловой войны меры по ограничению расходов граждан носили исключительно прагматический характер и принимались в минуту военной опасности с целью направить все средства общины на государственные нужды. Однако, в дальнейший период они начинают выполнять идеологическую функцию, реагируя на изменения, происходящие в римском обществе. Поэтому со II в. до н.э. законы о роскоши носят ценностно-идеологический характер, устанавливая некий морально-этический стандарт поведения римского гражданина, пусть даже вступающий в противоречие с реальными условиями жизни²⁴. При этом исследователь не исключает наличие социально-политических причин, побуждавших к принятию законов о роскоши²⁵. В более поздней работе он связывает возникновение *leges sumptuariae* с фактором «государственного» богатства как следствия военной экспансии Рима, в итоге использовав все имеющиеся модели объяснения данного феномена²⁶.

В 90-е гг. XX в. наметился новый поворот в историографии. В это время происходит возвращение к некоторым идеям, высказанным за два десятилетия до этого Э. Линтоттом. Так, Э. Грюэн выступил с критикой широко распространенного в литературе взгляда на законы о роскоши как средство борьбы с моральным кризисом в римском обществе. По его мнению, подобное законодательство не могло существенно повлиять на стиль жизни и политическую стабильность римского правящего класса. Как полагает Э. Грюэн, главное внимание должно уделяться самой постановке вопроса, обозначенной принятием законов о роскоши. По своей сути они были своего рода политическим посланием (*political message*), которое было важнее содержания конкретного закона. Сумптуарные законы, по крайней мере, в значительной части, являлись символом сопротивления растущему эллинистическому влиянию на римский национальный характер²⁷. Ранее идея о том, что появление законов о роскоши в Риме было вызвано влиянием эллинистической цивилизации была высказана М. Бонаменте. По ее мнению, эти законы следует рассматривать в качестве инструмента борьбы между противниками и сторонниками эллинизма²⁸. Близкий подход характерен для работ К. Летты, которая

²³ Ляпустин Б. С. Указ. соч. С.52; *он же*. Фамилия и римская *civitas* в III в. до н. э.: пути развития // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференции Российской Ассоциации Антикведов 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 241.

²⁴ Кнабе Г. С. Указ. соч. С.161-163.

²⁵ Там же. С. 161.

²⁶ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // *Ливий Т.* История Рима от основания города. Т. III. М., 1994. С. 648.

²⁷ Gruen E.S. *Studies...* P. 170-171 + Not. 49.

²⁸ Bonamente M. *Op. cit.* P. 75-77, 81-83.

указывает на антиэллинизм Катона как мотив борьбы с роскошью²⁹. Идеи, высказанные Э. Грюэном, нашли свое развитие в работах Л. де Ликта. Он справедливо ставит вопрос о причинах издания целой серии законов о роскоши вопреки их неэффективности в реальной жизни³⁰. Отвергая такую оценку сумптуарного законодательства как необъективную, исследователь отмечает, что его существование является важным само по себе. Вслед за Э. Грюэном он указывает на идеологическое значение законов о роскоши, которые были важной частью реакции римского общества на широкое распространение иноземного культурного влияния. Как полагает Л. де Ликт, «эти законы были примером культурной риторики, средством, с помощью которого господствующая элита Рима пыталась создать собственно римскую систему ценностей»³¹. В связи с этим законы о роскоши были направлены не на сохранение и поддержание традиционных римских ценностей, а были одним из средств более четкого определения римских социокультурных традиций, находившихся в состоянии постоянного переосмысления³². В то же время, в другой статье, увидевшей свет в том же 2002 г., Л. де Ликт предлагает иное объяснение многочисленным парадоксам римских законов о роскоши. Проведя сравнительное исследование сумптуарного законодательства средневековой Европы, он приходит к выводу о том, что его основной задачей было ограничение возможности, во-первых, демонстрации аристократическими семьями своего богатства и, во-вторых, расширения их клиентелы. Одним из каналов создания «новых клиентел» были частные пиршества и праздники, организовывавшиеся влиятельными нобилиями. Его-то и пытались ограничить власти путем принятия законов о роскоши. По мнению исследователя, это позволяет связать воедино как акцент, делаемый сумптуарным законодательством на пищевом потреблении, так и его параллелизм с *leges de ambitu*³³. Как можно заметить, в этой работе Л. де Ликт в значительной степени следует идеям, в разное время высказанным Э. Габбой, Г. Клементе и Д. Дейбом. Разница в выводах двух статей не кажется столь уж значительной, поскольку за каждой из них стоит определенная историографическая традиция, позволяющая исследователю рассматривать феномен римского сумптуарного законодательства через призму различных методических установок и научных подходов.

²⁹ Letta C. L' «Italia dei mores romani» nelle Origines di Catone (Prima Parte) // Athenaeum. 1984. 62. P. 3ff.

³⁰ На эту проблему обращает внимание Г. С. Кнабе, рассматривавший законы о роскоши в контексте «римского мифа», важнейшим компонентом которого он считает идеализацию умеренной бедности и осуждение богатства. Как отмечает исследователь, «их повторяемость показывает, что они не исполнялись, но ведь что-то заставляло их систематически принимать» (Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия... С. 648).

³¹ Ligt de L. Op. cit. P. 2-12.

³² Ibid. P. 12. Not. 43.

³³ Ligt de L. De Romeinse leges sumptuariae in vergelijkend perspectief // Tesserae Romanae. Opstellen aangeboden aan Hans Teitler / Ed. L. de Ligt, J. Blok, J.-J. Flinterman. Utrecht, 2002. P. 9-22.

Попытку ревизии традиционного взгляда на природу римских законов о роскоши предпринимает В. Розивач в статье, вышедшей в 2006 г. По мнению исследователя, в отличие от других народов для римлян полем проявления публичной роскоши было такое явление как *sena*, которое автор переводит как «званный обед» (*dinner-party*), во время которых члены римской элиты принимали друг друга. Как полагает В. Розивач, римские законы о роскоши следует рассматривать как часть некоей символично-политической игры (*a political game of symbols*), в которой были свои победители и проигравшие. К проигравшим относились те, кто имел достаточные средства, позволявшие им демонстрировать свое богатство другим, тогда как победителями становились лица, кто не просто обладавшие состоянием, но способные повлиять на настроения в обществе, в частности, организовав запрещение подобных проявлений частного богатства³⁴. В качестве вывода В. Розивач указывает на то, законы о роскоши следует воспринимать в качестве проявления коллективного «экзорцизма», поскольку они позволяли снять социальное напряжение наполненного острыми проблемами настоящего путем реактуализации на общинном уровне традиций идеализируемого или просто вымышленного прошлого. Одновременно, по мысли исследователя, принятие каждого конкретного закона было политическим актом, демонстрировавшим влияние того лица, которое вносило законопроект и (или) добивалось его принятия³⁵. Как можно видеть, критикуя концепции, уже достаточно давно присутствующие в литературе, В. Розивач предлагает сразу несколько объяснений феномена римских законов о роскоши, по сути, мало связанных, а то и противоречащих друг другу. Своего рода «новым изданием» идей Д. Даубе и В. Розивача стала последняя по времени работа Дж. Дари-Маттиачи и А. Плисецка, сначала опубликованная в 2010 г. в электронном варианте, а в 2012 г. изданная печатно. Суть предлагаемого ими подхода заключается в том, что роскошь выполняла функцию социального разделения и идентификации. Долгое время для сенаторов как крупных земельных собственников престижное потребление не было обременительным, пока в III в. до н.э. резко не изменилась экономическая ситуация. Открывшиеся возможности привели к усилению дельцов, принадлежащих к всадническому сословию, которые смогли даже превзойти сенаторов в богатстве и роскоши. В результате возможности выделения себя в качестве особой социальной группы посредством роскоши для сенаторов становится слишком обременительным. Все еще обладая политической властью, они были прямо заинтересованы в том, чтобы разорвать этот порочный круг. Однако с самого начала эти законы были неисполняемыми, поскольку их исполнение

³⁴ *Rosivach V.J.* The lex Fannia Sumptuaria of 161 B.C. // CJ. 2006. 102. 1. P. 1-2.

³⁵ *Ibid.* P. 11-12.

затронуло бы самих сенаторов. Несмотря на претензии на новизну и многочисленные математические и социологические выкладки, эта статья несет на себе печать уже достаточно давно отживших идей и представлений, своими корнями уходящих в работы XIX в.³⁶, в связи с чем не вносит чего-то нового в обсуждение поднятых ею проблем³⁷.

Наконец, существует группа работ, которую трудно отнести к какому-либо направлению. Ярким примером является статья Б. Кюблера в «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова. Возникновение сумптуарного законодательства Б. Кюблер связывает с традициями и условиями жизни древнеримского крестьянства. Всего к законам о роскоши он относит 15 правовых актов, последний из которых датируется правлением Тиберия. Следует отметить, что статья Б. Кюблера содержит неточности и ошибки, на которые неоднократно указывали другие авторы, однако до настоящего времени она активно используется исследователями, в обязательном порядке присутствуя в списках литературы по теме³⁸. В 1970 г. был опубликован в виде монографии текст докторской диссертации И. Заурвайн. Цель своей работы она видит в выявлении логики развития римских законов о роскоши, выделении определенных этапов их эволюции, в соответствии с которыми и выстраивается структура исследования³⁹. Исследовательница считает оправданным расположение их в хронологическом порядке, что позволит проследить развитие законов как сложное историко-правовое явление. В пользу такого метода работы говорит и необходимость учитывать наличие другой инстанции, контролировавшей частную жизнь граждан – цензуры, которая делала строго фиксированную норму закона гибкой и более «субъективной». Таким образом, И. Заурвайн обосновывает собственную методику изучения законов о роскоши не по объекту регулирования и не в хронологическом порядке, а в связи с социальными и политическими процессами, вызывавшими к жизни эти законы, т.е., по сути, увязав их с развитием социальной структуры античного Рима. Как полагает исследовательница, со времени Ганнибаловой войны римляне пытались с помощью законов о роскоши остановить процесс разрушения *mos maiorum*. В качестве поворотного пункта в развитии римских сумптуарных законов она выделяет гракханский кризис. Особо исследовательница отмечает опасность, исходившую со стороны отдельных нобилей, противопоставлявших себя ориентировавшейся на традицию аристократии. По ее

³⁶ В качестве примера следует указать на представление о противостоянии сенаторов и всадников, а также отождествление всаднического сословия с дельцами и ростовщиками. Поскольку авторы игнорируют целый пласт историографической традиции, сложившейся вокруг концепции К. Николе, трудно ожидать чего-то иного.

³⁷ *Dari-Mattiaci G., Plisecka A.E. Luxury in Ancient Rome: Scope, Timing and Enforcement of Sumptuary Laws // Legal Roots. 2012. 1. P. 189-216.*

³⁸ *Kübler B. Sumptus // RE. 1931. Hbd. 16. Sp. 901-908.*

³⁹ *Sauerwein I. Op. cit. S. 7.*

мнению, именно посредством законов о роскоши нобилитет добивался контроля за их поведением. Как полагает И. Зауэрвайн, для римского правового мышления было характерно убеждение, согласно которому правильное законодательство могло коренным образом перестроить сложившийся уклад жизни путем установления обязательного для всех римлян образа жизни. При этом римляне ориентировались не на конституционные реформы (попытки в этом направлении предпринимались только Суллой и Августом), а следовали принципу казуального законодательства, реагирующего на наиболее вопиющие нарушения общественного порядка. В силу этого законы о роскоши появлялись только тогда, когда был весомый повод для вмешательства. Однако, как показывает содержание таких законов, как *lex Orchia* или *Fannia*, учитывались и общие социально-политические соображения, связанные с попытками обуздать наиболее явные проявления кризиса внутреннего развития Рима⁴⁰.

Значительную часть своей работы, посвященной исследованию института *regimen morum*, отвел законам о роскоши Э. Балтруш⁴¹. Исследователь критически относится к попыткам рассмотрения сущности сумптуарного законодательства через призму античной концепции «упадка нравов». Это проявляется, прежде всего, в оценке монографии И. Заурвайн, в которой, как отмечает Э. Балтруш, наряду с подробным анализом отдельных законов о роскоши предпринимается попытка классификации и рассмотрения исторического развития римского сумптуарного законодательства. Как полагает Э. Балтруш, ничто не показывает более отчетливо политическое значение частного образа жизни, чем постоянное повторение законов о роскоши, которые реагировали на симптомы политического кризиса вмешательством в частную сферу. Отсюда акцент, который делается в античной историографии на упадке нравов. Защитники законов о роскоши отождествляли упадок морали с упадком *res publica*, что позволяло им обосновывать применение широкого спектра мер: цензорские взыскания, политические процессы, законодательные ограничения в области частной жизни. В свою очередь Э. Балтруш выделяет несколько стадий в развитии римского сумптуарного законодательства. Самые ранние римские меры против роскоши, по его мнению, относятся к V в. до н.э., будучи зафиксированы в тексте законов XII таблиц. Далее он выделяет несколько стадий развития законов о роскоши. К первой относятся законы, принятые в период Второй Пунической войны. Как полагает исследователь, именно проблемы, порожденные войной, вызвали к жизни законы о роскоши. Ко второй стадии он относит законы о роскоши II в. до н.э.,

⁴⁰ *Sauerwein I.* Op. cit. S. 172-173.

⁴¹ *Baltrusch E.* *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit.* München, 1989. При общем объеме в 237 страниц, раздел, посвященный законам о роскоши, занимает более 100 страниц, составляя практически половину работы.

порожденные военной экспансией Рима и вызванного ей притока материальных ценностей в общину. Эти законы, по его мнению, уже полностью соответствовали смыслу, заложенному в их название. В новых условиях законодательство было переориентировано с необходимости обеспечения единства римской общины на решение актуальных социально-политических проблем, важнейшими из которых было сохранение экономической стабильности и соблюдение внутригрупповой солидарности римской аристократии в условиях разнообразных проявлений индивидуализма отдельных ее представителей⁴². Смысл законов этого времени сводился к тому, что господствующий класс должен был взять на себя обязательство соблюдать определенные правила политической игры, поскольку равенство условий в новой экономической ситуации уже не могло быть гарантировано. Поэтому, заключает Э. Балтруш, борьба с *ambitus* и коррупцией также была прямой задачей законов о роскоши, которые вносили подобный образом свой вклад в сохранение традиционной полисной морали.

Как можно заметить, для обеих работ характерна некоторая неопределенность и какой-то мере даже противоречивость выводов в оценке феномена римских законов о роскоши. Для И. Заурвайн характерен взгляд на историю римского сumpтуарного законодательства через призму концепции «морального упадка» римской общины в период Средней Республики, что не мешает ей указывать на наличие политических, социальных и экономических причин, вызвавших к жизни тот или иной закон. В еще большей степени эта тенденция характерна для Э. Балтруша, который предлагает сразу несколько объяснений причин возникновения *leges sumptuariae*. Практически необъясненным остается процесс генезиса норм, ограничивавших разнообразные проявления роскоши. Если И. Заурвайн еще пытается, хотя и очень кратко, проследить их возникновение, то Э. Балтруш устранивается от решения этой проблемы. Сильной стороной этих работ является стремление авторов проследить процесс эволюции римских законов о роскоши, увязав изменения их характера с крупными вехами социально-политической истории Рима. Ощущение того, что предложенные предшествующей историографической традицией модели, характеризующие содержание и эволюцию римских законов о роскоши, исчерпали себя, характерно для книги А. Ботильери. Она отмечает, что законы о роскоши в своей совокупности не только отличались разнообразием, но и были неоднородны по причинам, их породившим. В связи с этим она критически оценивает присутствующую как в античной традиции, так и в современной историографии «унитарную» модель, созданную историками и антикварами Поздней республики и эпохи

⁴² *Baltrusch E.* Op. cit. S. 128.

Августа⁴³. По мнению исследовательницы, отдельные законы появлялись в разные периоды римской истории, были инициированы часто враждебными друг другу политическими группами и отражали проблемы и требования только своей эпохи. В то же время она обращает внимание на постоянство существовавших в римском обществе моральных установок, ограничивавших потребление, даже если отдельные проявления роскоши периодически расцветали. Взятые в своей совокупности, римские законы о роскоши гарантировали ведущую роль правящего класса в социальной и особенно политической сферах⁴⁴.

Характеризуя состояние историографии вопроса на сегодняшний день, следует признать, что убедительно объяснения не получил целый ряд проблем, связанных с существованием законов о роскоши в древнем Риме. Прежде всего, это относится к историческим причинам и предпосылкам их возникновения. Не нашли убедительного решения такие вопросы, как временный характер данного вида законодательства, отсутствие жестких санкций и их связи с имущественным положением индивида, соблюдение вводимых законами ограничений в реальной жизни и др. Для многих работ по-прежнему характерно либо жесткое сужение исследуемой проблемы лишь до одного ее аспекта, либо поле исследования размывается в связи с множеством предлагаемых решений, ни одно из которых не становится основным, подчиняющим себе все остальные. Таким образом, в целом приходится констатировать, что важнейшие аспекты проблемы законов о роскоши, в частности, связанные с их происхождением и функциональными характеристиками по существу остаются нераскрытыми.

Методологическая база исследования предполагает использование, прежде всего, историко-критического и сравнительно-исторического методов. Комплексный анализ правовой, политической, религиозной сфер римской гражданской общины предполагает использование системного подхода к изучению римских законов о роскоши. При этом необходимо учитывать, что попытка рассмотрения в рамках одного исследования правовых, социально-экономических, религиозно-идеологических аспектов функционирования римской *civitas* таит опасность превращения его в компендиум несистематизированных фактов и наблюдений, слабо или никак не соотносимых друг с другом. В значительной мере это связано с специфическим характером древнеримских правовых норм в целом, и сумптуарных законов в частности, в которых органично и зачастую неразрывно связаны правовые, политические, морально-этические и религиозные моменты. Принцип системности и соответствующие ему методы системного

⁴³ Bottiglieri A. Op. cit. P. 22.

⁴⁴ Ibid. P. 41f.

подхода предполагают рассмотрение объекта исследования как целостной системы, в рамках которой происходит сложное взаимодействие различных элементов. Системный подход позволяет интегрировать данные элементы, под которыми понимаются нормативно-правовые акты различного рода, в единый, целостный объект, условно обозначаемый как римское сумптуарное законодательство, наделенный специфическими характеристиками, несводимыми к характеристикам составляющих его элементов. С другой стороны, системный подход позволяет свести воедино различные представления об исследуемом объекте, существующие в рамках того или иного направления историографии, и дать его комплексную обобщенную характеристику, описав генезис и эволюцию римских законов о роскоши в широком контексте формирования и развития римской гражданской общины на одном из переломных этапов в истории ее существования.

В ходе работы над диссертационным исследованием использовались также историко-типологический и историко-генетический методы, приемы филолого-лингвистического анализа текстов, терминологический и контекстуальный анализ. Наряду с системным подходом, лежащим в основе исследования, при анализе источников использовались традиционные методы, используемые в гуманитарных дисциплинах: дескрипции и сравнения, необходимые при анализе и работе с источниками разного происхождения и с большими группами однородных источников, методы исторической типологизации, анализа, синтеза и аналогии. При этом при изложении материала использовался проблемно-хронологический подход, позволяющий от описания отдельных системных элементов (конкретных законов о роскоши) подняться к выявлению основных тенденций развития римской гражданской общины, рассматриваемой как уникальный социо-политический организм, возникший в период античности и отличающийся целым рядом характеристик, существенно отличающихся как от предшествующих, так и последующих моделей политогенеза.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в зарубежной и отечественной историографии было проведено:

1) подробное исследование процесса генезиса сумптуарного законодательства, что позволило обосновать высказывавшееся в литературе предположение о том, что античные законы о роскоши берут свое начало в архаических уравнительных нормах, существовавших в догосударственном обществе. Как было показано в диссертации, дальнейшая их эволюция была обусловлена спецификой античной формы государства, поэтому, в отличие от аналогичных норм, характерных для обществ Древнего Востока, Африки или доколумбовой Америки античные законы о роскоши не закрепляли

функционально-сословные различия в обществе, а, напротив, создавали предпосылки для уравнивания, насколько это было возможно, различных групп населения внутри гражданской общины. Это позволило уточнить и обосновать тезис о том, законы о роскоши были одним из средств поддержания гомогенности и стабильности античной гражданской общины;

2) в диссертации впервые в отечественной историографии показан процесс зарождения римского сумптуарного законодательства, связанный с взаимодействием двух культурных традиций, одну из которых представляли самниты и римляне, а другую – греческие полисы Южной Италии. Проведенный в диссертации анализ социальных и идеологических предпосылок возникновения римских законов о роскоши позволил уточнить и дополнить содержащиеся в историографии подходы к этой проблеме. Развивая высказанные рядом зарубежных исследователей (Э. Грюэн, Э. Денч и др.) идеи, автор сформулировал и аргументировал положение о том, что появление римских законов о роскоши было связано со сложным процессом наложения римских (италийских) социокультурных и соционормативных установок, плебейско-крестьянских в своей основе, на правовые и идеологические модели, принадлежавшие более развитой греческой (эллинистической) цивилизации. Как было показано в диссертации, данный процесс имел сложный многоуровневый характер, будучи связан, по крайней мере, с двумя влиятельными полисами Великой Греции – Тарентом и Сиракузами;

3) в диссертации были проанализированы первые меры против роскоши, проявившие себя уже в первой половине III в. до н.э. в форме цензорских замечаний и эдиктов. Анализ античной традиции и современной историографии позволил уточнить высказанные в различное время оценки Гая Фабриция Лусцина, его личности и деятельности. Как было показано в диссертации, объективная оценка этого государственного деятеля невозможна без учёта тех важных социально-политических изменений в римском обществе, что имели место в первые десятилетия III в. до н.э. Отмеченный еще в работах К. Хопкинса необычно высокий даже для древних обществ уровень милитаризации римской *civitas* обусловил возрастание значения широких плебейско-крестьянских слоев населения во внутренней жизни Рима в этот период. Выразителями определенных настроений, ожиданий, ценностей данной социальной среды стали представители «новой» знати, связанные по своему происхождению с аграрными регионами Центральной Италии. В диссертации высказывается и обосновывается положение о том, что в условиях острой политической борьбы со «старой» патрицианской аристократией приверженность данной социальной группы традиционным формам поведения человека в частной и общественной жизни (что не могло не вызвать одобрения

в самых широких слоях римского общества), неизбежно носила демонстративно показной, и даже вызывающий характер, сохранившись благодаря этому в исторической памяти и через устное предание попав в римскую историческую традицию. Поскольку формально первые ограничения роскоши не могут быть отнесены к законам о роскоши (*leges sumptuariae*), имевших иную правовую природу, в диссертации предлагается обозначить их как римское «протосумптуарное» законодательство, не только предшествовавшее, но и непосредственно связанное с последующими законами о роскоши;

4) впервые дается не только подробный анализ знаменитого закон Клавдия (*lex Claudia de nave senatorum*) 218 г. до н.э., но и огромной историографической традиции, посвященной ему. Предложенная в диссертации схема развития данной традиции по нескольким направлениям, связанным с поиском политических, экономических, социальных, военных причин принятия закона Клавдия позволяет не только увидеть сильные и слабые стороны той или иной точки зрения, но и оценить ее место и значение в развитии мировой историографии. Сделанный в диссертационном исследовании акцент на выявление исторического контекста принятия закона Клавдия позволил выделить определенную историографическую линию, представленную работами К. Николе, К. Брингмана и др., в качестве наиболее перспективной для дальнейшего изучения данного вопроса. Привязка принятия закона Клавдия к конкретной социальной, политической и военной ситуации последней четверти III в. до н.э. позволила не только объективно оценить представленные в историографии концепции и подходы, но и конкретизировать и обосновать положение о том, что с последующими сумптуарными законами его объединяет попытка регламентации экономического и социального поведения элиты и использование морально-этических моделей для обоснования необходимости принятия такого закона;

5) в диссертации впервые не только в отечественной, но и зарубежной историографии был проведен комплексный анализ законодательства периода Второй Пунической войны, что позволило обосновать, конкретизировать и дополнить выводы ряда исследователей (в частности, И. Заурвайн, Э. Балтруша и др.) о целях и содержании римских законов о роскоши данного периода. В диссертации был сделан вывод о том, что законы о роскоши того времени были направлены на решение двух основных задач: 1) *социальной*, связанной с сохранением внутренней стабильности римской общины путем подавление внешних проявлений богатства и минимизации негативных социальных явлений, ставившие под угрозу «согласие сословий»; 2) *финансовой*, направленной на защиту экономических ресурсов общины путем создания режима экономии и изъятия необходимых для продолжения войны средств у крупных собственников.

б) новизна диссертации заключается в попытке увязать историю римского сумптуарного законодательства с эволюцией гражданской общины (*civitas*). Как было показано в диссертации, особенности античного типа государства, оформленного как гражданская община, не позволяли напрямую изымать необходимые для войны средства у населения, заставляя публичную власть искать механизмы для организации «принудительно-добровольного» внесения гражданами этих средств в казну. Одним из таких механизмов стало принятие в годы Ганнибаловой войны законов о роскоши, с одной стороны, и широкомасштабное применение различного рода литургических повинностей и займов, с другой.

Процесс генезиса первых ограничений против роскоши в древнем Риме рассматривался с учетом достижений западной культурной антропологии, представленной такими исследователями, как М. Фрид, Э. Сервис, Э. Ликок, Р. Ли и др. В основе проведенного в диссертации исследования процесса зарождения в раннеклассовых обществах сумптуарных норм лежит обоснование идеи о генетической связи первых законов о роскоши с эгалитаристскими социальными институтами, функционировавшими в позднеархаическом обществе и имевшими своей целью поддержание единства и стабильности коллектива путем предотвращения возможности накопления избыточного имущества в руках представителей определенного рода или семейства. Исследование позднепервобытной социорегулятивной нормативности позволило выделить общие закономерности развития архаического общества и проследить процесс формирования законов о роскоши в Риме. Появление норм, регулирующих потребление предметов роскоши, было исследовано в свете эволюции социальной структуры римской гражданской общины. В ходе работы были использованы методические приемы работы с таким видом правовых источников как сумптуарное законодательство, представленные в работах Л. Ланга, Т. Моммзена, П. Фраккаро, К. Николе, И. Зауэрвайн и др., дополненные методологическими и концептуальными разработками, содержащимися в исследованиях Е. М. Штаерман, В. И. Кузицина, Г. С. Кнабе и др. Поскольку как зарубежные, так и немногочисленные отечественные исследования по данной проблематике показывают бесперспективность объяснения феномена законов о роскоши путем выделения какого-то одного аспекта проблемы (экономического, политического, идеологического), в диссертационном исследовании использовался комплексный метод структурного анализа, обоснование которого в отечественной историографии на примере античного общества было дано Е. М. Штаерман. В рамках этого методологического подхода законы о роскоши рассматриваются как результат действия разнонаправленных процессов – политических, экономических, религиозно-идеологических, накладывающихся друг на друга в свете

развития социальной структуры римской гражданской общины. Показательно, что время существования данного вида законодательства в Риме от его рождения до исчезновения совпадает по времени с первой фазой расцвета римской *civitas*, рассматриваемой нами как социальный организм полисного типа, политически оформленный как сенатско-аристократическая *res publica*.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Античные законы о роскоши берут свое начало в архаических уравнительных нормах, существовавших в догосударственном обществе. Дальнейшая их эволюция была обусловлена спецификой античной формы государства. В отличие от аналогичных норм, характерных для обществ Древнего Востока, Африки или доколумбовой Америки античные законы о роскоши не закрепляли функционально-сословные различия в обществе, а, напротив, создавали предпосылки для уравнивания, насколько это было возможно, различных групп населения внутри гражданской общины. С точки зрения развития социальной структуры законы о роскоши были одним из средств поддержания гомогенности и стабильности античной гражданской общины.

2) Более ранними являются греческие законы о роскоши, послужившие образцом для римских *legem sumptuariaum*. Сохранившиеся источники позволяют поставить вопрос о рецепции соответствующих норм греческого права в римскую правовую систему. Данный процесс имел сложный многоуровневый характер, будучи связан, по крайней мере, с двумя влиятельными полисами Великой Греции – Тарентом и Сиракузами.

3) Процесс зарождения римского сумптуарного законодательства был связан с взаимодействием двух культурных традиций, одну из которых представляли самниты и римляне, а другую – греческие полисы Южной Италии. Его появление связано со сложным процессом наложения римских (италийских) социокультурных и соционормативных установок, плебейско-крестьянских в своей основе, на правовые и идеологические модели, принадлежавшие более развитой греческой (эллинистической) цивилизации.

4) Заимствование отдельных элементов образа жизни, характерного для городского быта высокоразвитой эллинистической цивилизации, ранее всего проявилось в среде римской знати, что нашло свое отражение в цензорской деятельности Гая Фабриция Лусцина. Она указывает на существование первых ограничений на роскошь уже в первой половине III в. до н.э., выраженных в форме цензорских замечаний и эдиктов. Поскольку формально эти ограничения не могут быть отнесены к законам о роскоши (*leges sumptuariae*), имевших иную правовую природу, следует обозначить их как римское

«протосумптуарное» законодательство, не только предшествовавшее, но и непосредственно связанное с последующими законами о роскоши.

5) В качестве «пробного» закона, давшего начало серии римских законов о роскоши, выступает закон Клавдия (*lex Claudia de nave senatorum*) 218 г. до н.э. С последующими сумптуарными законами его объединяет попытка регламентации экономического и социального поведения элиты и использование морально-этических моделей для обоснования необходимости принятия такого закона.

6) Законы о роскоши периода Ганнибаловой войны (*lex Metilia fullonibus dicta* 217, *lex Oppia de sumptu* 215, *lex Publilia de cereis* 209, *lex Cincia de donis et muneribus* 204 гг. до н.э.) были направлены на решение двух основных задач: 1) *социальной*, связанной с сохранением внутренней стабильности римской общины путем подавление внешних проявлений богатства и минимизации негативных социальных явлений, ставившие под угрозу «согласие сословий»; 2) *финансовой*, направленной на защиту экономических ресурсов общины путем создания режима экономии и изъятия необходимых для продолжения войны средств у крупных собственников.

7) Особенности античной типа государства, оформленного как гражданская община, не позволяли напрямую изымать необходимые для войны средства у населения, заставляя публичную власть искать механизмы для организации «принудительно-добровольного» внесения гражданами этих средств в казну. Одним из таких механизмов стало принятие в годы Ганнибаловой войны законов о роскоши, с одной стороны, и широкомасштабное применение различного рода литургических повинностей и займов, с другой.

8) Меры, предпринятые высшими римскими магистратами в 214-210 гг. до н.э. (займы 214 и 210 гг., организация военных поставок в кредит, введение «ячменного налога» и др.) были непосредственным продолжением политики, обозначенной законодательством 218-215 гг. до н.э., и с таким же основанием могут быть названы «законами о роскоши». Иная юридическая природа принимаемых римскими магистратами правовых актов определила и дальнейшую их судьбу. В отличие от плебесцитов начала войны они исчезли из поля зрения историков, став «невидимыми» для большинства современных исследователей.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при разработке общих и специальных курсов по истории республиканского Рима, политической системы римской Республики, истории римского права. Проведенный анализ римских политико-правовых норм и институтов может быть

использован и в более широком контексте изучения истории древних и средневековых цивилизаций.

Апробация работы.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры конституционного, международного права и политологии Вологодского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Предварительные результаты и основные выводы по проблемам диссертационного исследования излагались в докладах на региональных, всероссийских и международных конференциях:

на XV, XVI, XVII, XVIII, XIX Сергеевских чтениях в МГУ (Москва, 2007, 2009, 2011, 2013, 2015 гг.);

на конференциях Российской ассоциации антиковедов в ИВИ РАН (Москва, 1996, 1997, 1998, 2000, 2001, 2003 гг.);

на II, IV, V международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» (2000, 2006, 2009 гг.);

на VII, VIII, IX, X, XIII Жебелевских чтениях в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2005, 2006, 2007, 2008, 2011 гг.);

на международной научной конференции Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН «Время в координатах истории» (Москва, 2008 г.);

на научном семинаре РГГУ «Миусские античные посиделки- II» в РГГУ (2010 г.);

на международной научной конференции «Война и сакральность» (Санкт-Петербург, 2009 г.);

на II и III международной научной конференции «Актуальные проблемы истории древнего мира» (Киев, 2007, 2009 гг.);

на VI, VII, VIII международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьков, 2008, 2010, 2012 гг.);

на V международной научной конференции «Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья» (Алматы, 2008 г.);

на российско-германской научной конференции «Народ и демократия в древности» (Ярославль, 2007 г.);

на международной научной конференции «Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст» (Ярославль, 2009 г.);

на всероссийской конференции молодых исследователей «Личность в политике, науке, культуре» (2005 г.) и всероссийском научно-методическом семинаре «Античный полис: проблемы изучения и методика преподавания» (2006 г.) в Ярославском государственном университете;

на X и XIII всероссийской научной конференции «Чтения памяти проф. Н. П. Соколова» (2006, 2012 гг.) и первой авторско-читательской конференции альманаха «ANTIQUITAS AETERNA: Традиции, парадоксы и уроки греко-римского историописания в контексте проблем современного антиковедения» (2010 г.) в Нижегородском государственном университете;

на III международной научной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» в Саратовском государственном университете (2012 гг.);

на V международной научно-практической конференции «Россия, запад и восток: традиции, взаимодействия, новации» (Владимир, 2009 г.);

на II международной научной конференции «Кондаковские чтения: проблемы культурно-исторических эпох» (Белгород, 2007 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, указываются ее хронологические рамки, рассматриваются источниковая база и степень изученности темы, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, определяется научная новизна исследования и его методологическая база, дается информация о практической значимости работы и ее апробации.

Первая глава «Генезис сумптуарного законодательства в древнем Риме» посвящена процессу возникновения римских законов о роскоши, рассматриваемому как сложное мультифакторное явление. В **первом параграфе** «Генезис и пути развития сумптуарного законодательства» данное явление рассматривается через призму процессов политогенеза и классового генеза, позволяющих проследить появление первых запретительно-ограничительных норм еще в архаическом социуме. Античные законы о роскоши берут свое начало в архаических уравнивательных нормах, существовавших в догосударственном обществе. Дальнейшая их эволюция была обусловлена спецификой античной формы государства, с одной стороны, и особенностями формирования римской *civitas*, с другой. Это положение конкретизируется в следующих параграфах первой главы. Во **втором параграфе** «К проблеме законов о роскоши в архаическом Риме» четко определены критерии, которые позволили выделить законы против роскоши из ряда схожих с ними запретов, в частности, зафиксированных в законах XII таблиц. В рамках данного сюжета

рассмотрены связи Рима с миром греческих полисов, подвергнуто изучению эллинское влияние в правовой и идеологической областях, выделены этапы этого взаимодействия и их специфика. Во **третьем параграфе** «Социальные предпосылки формирования римского сумптуарного законодательства» выделен ряд факторов, способствовавших утверждению в римском обществе определенных ценностных ориентиров, способствовавших возникновению законов о роскоши как своеобразного феномена не только правовой, но и общественной жизни древнего Рима. В своей совокупности они были связаны с масштабными социальными процессами, обозначившими завершение формирования римской *civitas* как особого социального организма. В частности это выразилось в резком увеличении роли и значения римского крестьянства (сельского плебса) в жизни римской общины, а также в изменении структуры правящего сословия за счет притока представителей муниципальной италийской знати. В основе четвертого параграфа «Идеологические предпосылки формирования римского сумптуарного законодательства» находится тезис о значительных изменениях в римском обществе, вызванных расширением и качественным изменением его экспансии с конца IV в. до н.э. Попав в орбиту высокоразвитой эллинистической цивилизации, Рим испытывает ее сильнейшее воздействие практически на все сферы жизни, в том числе и в правовой. Процесс генезиса римского сумптуарного законодательства был напрямую связан с взаимодействием двух культурных традиций, одну из которых представляли самниты и римляне, а другую – греческие полисы Южной Италии. Его появление связано со сложным процессом наложения римских (а в более широкой перспективе – италийских) социокультурных и соционормативных установок, плебейско-крестьянских в своей основе, на правовые и идеологические модели, принадлежавшие более развитой греческой (эллинистической) цивилизации. Как показывают проанализированные в **пятом параграфе** «Об одном парадоксе римских законов о роскоши» источники, правомерен вопрос о рецепции аналогичных норм греческого права в римскую правовую систему. Данный процесс имел сложный многоуровневый характер, будучи связан, по крайней мере, с двумя влиятельными полисами Великой Греции – Тарентом и Сиракузами.

Вторая глава «Закон Клавдия 218 г. до н.э.» посвящена одному из самых известных римских законов второй половины III в. до н.э. Несмотря на незначительный объем информации, сохраненной античной традицией, закон Клавдия породил обширную литературу. Ее анализу посвящен **первый параграф** «Lex Claudia 218 г. до н.э. и его интерпретации в историографии». Крайняя скудость сведений о Lex Claudia благоприятствовала появлению большого числа гипотез и концепций, противоречащих друг другу и только еще более затемняющих картину событий и запутывающих

исследователя. В литературе, посвященной закону Клавдия, прослеживаются несколько историографических линий, привязывающих его принятие к определенному фактору либо группе факторов. Первой из них является «**политическая**», предполагающая, что ЗК был принят в интересах определенной политической группировки либо социальной группы. В зависимости от позиции конкретного исследователя, к ним могут быть отнесены сенаторы, всадники, публиканы, крупные торговцы, ростовщики (Т. Моммзен, Л. Ланге, А. Пиганьоль, Г. Ботсфорда, Х. Хилла, Ф. Де Мартино, Ф. Де Мартино, Эд. Мейер, М. Гельцер, Х. Скаллард, Й. Бляйкен, А. Тойнби, Ф. Кассола, Ц. Явец, Ю. фон Унгерн-Штернберг). В связи с этим следует отметить характерное для данной концепции отсутствие четких критериев в части определения социального субъекта, выступавшего в роли «заказчика». Очевидно, что до 218 г. до н.э. как сенаторы, так и всадники, предположительно составлявшие ядро антисенатской оппозиции, могли быть связаны с торговлей, откупам и государственными подрядами. С другой стороны, как показали исследования К. Николе, и сенаторы, и всадники не представляли собой закрытых гомогенных сообществ, спаянных общими экономическими интересами, антагонистичными по отношению друг к другу. С точки зрения «**экономического**» объяснения закон Клавдия был вызван объективными экономическими тенденциями в развитии римской общины и напрямую не затрагивал интересы каких-либо социальных групп и сил. Такое объяснение предполагает, что закон не лоббировался в интересах какого-либо политического или иного сообщества, будучи направлен на достижение экономических, а не узкоконъюнктурных политических целей (Г. де Санктис, Т. Франк, Э. Габба, М. Кроуфорд, Ж. Андро, Д. Д'Армс, Ж.-Ж. Обер). Согласно «**социальному**» (которое также может быть обозначено как «**идеологическое**») толкованию ЗК не был порожден политической борьбой, как и экономическим развитием *civitas*. Его целью была консервация либо создание (в зависимости от позиции отдельного исследователя) определенных ценностных установок и ориентиров, связанных с выполнением определенных общественных функций сенаторами. Поэтому в равной степени оно может быть обозначено и как «идеологическое» и как «социальное» с той оговоркой, что закон был вызван не социальной борьбой, а являлся попыткой конструирования определенного социального порядка (К. Николе, Э. Грюэн, Э. Балтруш). Наконец «**военное**» объяснение предполагает, что ЗК имел конъюнктурный характер, будучи порожден конкретной ситуацией начального периода Ганнибаловой войны, что не исключает учета и иных мотивов, связанных с политикой, идеологией и экономикой (А. Пеллетье, Р. Эррингтон, Р.Ф. Вишня, К. Брингман). Особенностью литературы, посвященной ЗК, является то, что исследователи часто не удерживаются в рамках одного объяснения, предлагая сразу

несколько причин, что затрудняет четкую классификацию историографии вопроса. В связи с этим предложенная выше классификация также носит достаточно условный характер, поскольку различные концепции достаточно органично «перетекают» друг в друга. Слабым местом многих работ, посвященных данному закону, является то, что на первый план ставится один из аспектов проблемы в ущерб другим, причем часто без учета той конкретно-исторической ситуации, в которой был принят закон. Таким образом, восстановление исторического фона принятия *lex Claudia* является первоочередной и главной задачей исследователя. На наш взгляд, наиболее плодотворным является его рассмотрение в контексте первых лет Ганнибаловой войны с учетом тех разноплановых изменений, которые имели место в римской общине к концу III в. до н.э. Предложенный подход был реализован во **втором параграфе** «*Lex Claudia* в контексте Ганнибаловой войны». Следует отметить, что интерпретация закона Клавдия и объяснение причин его принятия являются крайне сложной задачей для исследователя. В первую очередь это связано с минимумом информации, как о самом законе, так и о тех социальных, политических и экономических условиях, в которых он принимался. Среди множества выдвинутых исследователями гипотез и концепций наименее противоречивой нам представляется «**военная**» линия историографии, увязывающая принятие закона Клавдия с началом Ганнибаловой войны. Рассмотренный под таким углом зрения он в равной степени мог быть направлен на решение двух проблем. Первой из них была необходимость отстранения сенаторов от участия в публичных контрактах, что в свою очередь может быть интерпретировано по-разному. За этим могло скрываться стремление к очищению сенаторского сословия, в связи с чем закон Клавдия предстает в роли превентивное средство против коррупции в господствующем классе (Р. Эррингтон, Р.Ф. Вишня, К. Брингман). Такая интерпретация хорошо увязывается с политической деятельностью Гая Фламиния и позволяет объяснить смысл привязки его личности к принятию закона в освещении Ливия. Другой большой проблемой была потребность Рима в большом количестве грузовых кораблей, необходимых для перевозки войск, снаряжения, продовольствия и организации в дальнейшем регулярного снабжения армии. В этом случае ЗК мог представлять собой закамуфлированную конфискацию морского транспорта, принадлежавшего сенаторам (А. Пеллетье, К. Брингман). В пользу такого предположения говорит то, что уже в Первую Пуническую войну римляне обращаются к греческому опыту, начав использование литургических повинностей. В силу цензитарного характера римской гражданской общины основная тяжесть этих повинностей ложилась на господствующие сословия – сенаторское и всадническое. В период Ганнибаловой войны, столкнувшись с целой серией финансовых кризисов невиданного масштаба, римские

власти активно прибегают к различным экстраординарным формам пополнения казны, активно применяя полученный опыт по использованию повинностей литургического типа. Наиболее известным примером является строительство флота на частные средства в 214 г. до н.э., когда основные расходы несли наиболее состоятельные граждане, и прежде всего сенаторы. Можно предположить, что и закон Клавдия предусматривал нечто подобное – только не постройку, а конфискацию судов, вышедших за пределы обозначенного в законе тоннажа. Не исключено, что при составлении закона учитывались соображения различного рода, поскольку указанные варианты не исключают друг друга. Точка, в которой они сходятся – это то, что закон Клавдия был порожден войной и именно в контексте войны его необходимо рассматривать. Э. Балтруш, возражая против подобной интерпретации закона, указал, что в случае, если бы он был порожден сугубо военными проблемами, он был бы отменен, как только в нем отпала необходимость⁴⁵. Однако, К. Брингман в этой связи отмечает, что хотя принятие закона Клавдия и было вызвано конкретными причинами, он апеллировал, прежде всего, к моральным установкам, установив принцип отделения политики от предпринимательства для сенаторов⁴⁶. Такая формулировка закона, пусть даже порожденного политической конъюнктурой, единожды получив жизнь, с течением времени стала оказывать все большее влияние на экономическую жизнь общества в качестве ограничивающей сферу деятельности сенаторского *ordo* нормы. Впрочем, и сам Э. Балтруш признает, что воздействие закона было столь продолжительно по времени, что имело глубокие последствия⁴⁷. При этом оба исследователя сходятся в том, что закон Клавдия опередил свое время, предвосхитив законодательство II - I вв. до н.э., что отчасти и объясняет его долгую жизнь. Как представляется, Э. Балтруш справедливо рассматривает закон Клавдия в качестве пробного закона, давшего начало серии законов о роскоши. Их объединяет не только попытка конструирования экономического и социального поведения элиты, но и использование морально-этических моделей для обоснования необходимости принятия такого закона. Будучи первой (и успешной) попыткой подобного рода, ЗК служил обоснованием необходимости принятия законов о роскоши, появившихся после него.

Как можно заметить, первые законы о роскоши, зафиксированные античной традицией, *lex Metilia fullonibus dicta* 217 г. до н.э. и *lex Oppia de sumptu* 215 г. до н.э. хронологически примыкают к *lex Claudia* 218 г. до н.э., образуя цикл законов, принятых в начальный период Ганнибаловой войны. Обычно все три закона рассматриваются

⁴⁵ *Baltrusch E. Op. cit. S. 35. Anm. 39.*

⁴⁶ *Bringmann K. Zur Überlieferung und zum Entstehungsgrund der lex Claudia de nave senatoris // Klio. 2003. 85. 2. S. 318. Anm. 30.*

⁴⁷ *Baltrusch E. Op. cit. S. 36.*

отдельно, вне связи друг с другом. Однако появление их в границах одного временного периода, охватывающего первые четыре года войны, вряд ли было случайным. Объединение этих законов в одну группу является оправданным в том случае, если мы сможем связать их принятие с определенной проблемой, стоявшей перед римским обществом в это время.

Анализу первых законов о роскоши в контексте новой фазы военного противостояния Рима и Карфагена, вызванного вторжением армии Ганнибала на территорию Италии посвящена **третья глава «Законы о роскоши периода Ганнибаловой войны»**. Как дает почувствовать римская историческая традиция, Ганнибалова война была суровым испытанием прочности и жизнеспособности римской гражданской общины. Сокрушительные поражения первых лет войны, массовые людские потери, переход на сторону врага союзных общин Италии показывают всю сложность проблем, вставших перед римской *civitas* в эти годы. В то же время тяжелое положение Рима было вызвано не только военными поражениями и потерями, но и хронической нехваткой денег и материальных ресурсов, необходимых для содержания и снабжения армии и флота. Обращает на себя внимание, все три закона были изданы в форме плебесцита, а законодательная инициатива исходила от плебейских трибунов. Это совпадает с общей тенденцией периода Ганнибаловой войны, для которого характерно как увеличение количества принимаемых законов, так и возросшая активность плебейских собраний и трибунов. Как полагает К. Вильямсон, плебейские трибуны были важной частью законотворческого механизма данного периода. В условиях Средней Республики закон имел шанс на успех лишь в том случае, если его вносил авторитетный политик, пользующийся влиянием, либо плебейский трибун. Поэтому сенат часто действовал через плебейских трибунов, продвигая необходимые законы⁴⁸. В этой связи в литературе неоднократно отмечалось, что законы о роскоши получили полную поддержку со стороны сенатской аристократии. В то же время законы Клавдия и Метилия традиция устойчиво связывает с поздним периодом деятельности Гая Фламиния. Если связь закона Клавдия с «демократической» политикой Фламиния еще может вызывать сомнения, то закон Метилия определенно был инициирован и поддержан группой, сложившейся вокруг этого политика. В **первом параграфе** «*Lex Metilia fullonibus dicta* 217 г. до н.э.» были подробно проанализированы многочисленные проблемы, связанные с датировкой, авторством и содержанием закона Метилия. Необходимо учитывать, что внесшему закон Марку Метилию помимо *lex Metilia de fullonibus dicta* приписывается еще один закон, *lex Metilia*

⁴⁸ *Williamson C.* The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor, 2005. P. 21, 31-32.

de aequando magistri equitum et dictatoris iure, принятый в том же 217 г. до н.э. Взятые в своей совокупности, законы Метилия имеют ярко выраженный «демократический» характер, вероятно, отразив стремление части плебейской верхушки к уравниванию своего положения с нобилиями из числа патрициев. Как представляется, Х. Скаллард в целом прав, рассматривая деятельность Г. Фламиния, М. Минуция Руфа и Г. Теренция Варрона в качестве «народных лидеров»⁴⁹. Очевидно, что и законы Метилия следует воспринимать в контексте деятельности этой группы римских политиков.

Важной вехой в развитии данного вида законодательства является 215 г. до н.э. После поражений начального периода войны, в которых погибли или были дискредитированы плебейские лидеры, возобладала иная линия, связанная с усилением власти сената. Поэтому законотворческая инициатива с 215 г. до н.э. переходит в руки влиятельных сенаторов иного типа. Однако это не привело к исчезновению законов, ограничивавших проявления богатства в римской общине. Напротив, уже в 215 г. до н.э. принимается закон Оппия, ограничивающий женскую роскошь. Его анализу посвящен **второй параграф** «Lex Oppia de sumptu 215 г. до н.э.», в котором нашли подробное освещение проблемы датировки, авторства и содержания закона Оппия. Действия сенатского большинства показывают, что в условиях сокрушительных военных поражений Рима в первые годы войны был взят курс на политику согласия, призванную предотвратить возможность крупных социальных конфликтов в военное время. Сложное положение, в которое находился Рим, требовало не только напряжения всех сил, но и внутривластного и общественного согласия⁵⁰. В условиях, когда военные поражения поставили под угрозу само существование римской civitas, проводником «нового курса» стал Кв. Фабий Максим. При его поддержке были приняты законы Оппия (lex Oppia de sumptu) 215 г. до н.э., Публиция (lex Publicia de cereis) 209 г. до н.э. и Цинция (lex Cincia de donis et muneribus) 204 г. до н.э. Двум последним посвящены соответственно **третий** «Lex Publicia de cereis 209 г. до н.э.» и **четвертый параграф** «Lex Cincia de donis et muneribus 204 г. до н.э.». В основе leges sumptuariae периода Ганнибаловой войны находилось подавление внешних проявлений богатства и минимизация негативных социальных явлений, ставившие под угрозу «согласие сословий», состояние социальной стабильности и гражданского мира. С другой стороны, римские власти возлагают часть военных расходов на наиболее состоятельную часть римской общины путем введения литургических повинностей, что особенно ярко проявилось в 214 и 210 гг. до н.э. Показательно, что эти меры исходили не от плебейских трибунов или политиков

⁴⁹ Scullard H. Roman Politics, 220-150 B.C. Oxford, 1951. P. 44-55.

⁵⁰ Sauerwein I. Op. cit. S. 41.

«демократической» ориентации, таких как Гай Фламиний или Гай Терренций Варрон, а от влиятельных римских сенаторов Квинта Фабия Максима, Марка Клавдия Марцелла и Марка Валерия Левина. Основные выводы по главе представлены в **пятом параграфе** «Законы о роскоши в контексте Ганнибаловой войны». Проведенное исследование показывает, что законы о роскоши периода того времени были направлены на решение двух основных проблем: 1) *социальной*, связанной с сохранением внутренней стабильности римской общины; 2) *финансовой*, направленной на защиту экономических ресурсов общины путем создания режима экономии и изъятия необходимых для продолжения войны средств у населения. И в том и в другом случае применялось морально-этическое обоснование действий государства. С другой стороны, вводимые ограничения не имели четко выраженной санкции, в связи с чем они могли быть реализованы только в деятельности цензоров, что указывает на особое значение этой магистратуры для данного вида законодательства в период Ганнибаловой войны. Следует отметить, что цензоры, при содействии которых принимались законы о роскоши, обладали информацией об имущественном положении каждой римской фамилии. Особенности античной государственности, оформленной в виде гражданской общины, не позволяли напрямую изымать необходимые для войны средства у населения, заставляя публичную власть искать механизмы для организации «принудительно-добровольного» внесения гражданами этих средств в казну. Одним из таких механизмов, видимо, и являлись законы о роскоши того времени, с одной стороны, и широкомасштабное применение политики перекачки в казну частных средств в форме «кредита», опробованной сенатом в годы войны, с другой. В своей совокупности они не только способствовали изъятию части средств, принадлежащих частным лицам, но создавали ограничения для владения определенным имуществом, подготавливая возможность для дальнейшего изъятия той его части, которая выходила за создаваемые законом пределы.

Среди многочисленных проблем, порожденных Ганнибаловой войной, одной из наименее исследованных в отечественной историографии является проблема финансовой политики, проводившейся сенатом и высшими магистратами Республики с 218 по 201 гг. до н.э. Внимание исследователей, как правило, привлекают яркие сюжеты борьбы соперничающих политических группировок или военные кампании того времени. Между тем, как показывают источники, одной из серьезнейших проблем, вставших перед римским обществом с самого начала войны, была хроническая нехватка денег и материальных ресурсов, необходимых для содержания и снабжения армии, строительства флота, финансирования крупных военных проектов. Закономерной реакцией на вызовы новой войны с Карфагеном стали новые методы и средства решения финансовых,

правовых и иных проблем, выработанные римской общиной. Их обзор представлен в **четвертой главе** «Неизвестные» законы о роскоши эпохи Ганнибаловой войны (214-210 гг. до н.э.)). Проведенный в **первом параграфе** «Правовая деятельность римских высших магистратов в 215-214 гг. до н.э.» анализ деятельности высших римских магистратов в указанный период показывает, что в центре внимания римских властей постоянно находилось несколько больших проблем (снабжение армии и флота, покупка рабов, откупа, изъятие у населения через трибут и экстраординарные подати необходимые для ведения войны средства), настолько тесно связанных друг с другом, что они сливаются в одну, самую важную для Рима проблему бесперебойного снабжения армии и, особенно, флота материальными и людскими ресурсами. В этой связи следует отметить условность самого термина «законы о роскоши» применительно к правовым актам рассматриваемого периода. Вызывает сомнение, что в римском обществе того времени актуальность приобрела такая проблема, как роскошь частной жизни гражданина. Источники однозначно связывают рост благосостояния, приток иноземных предметов роскоши, повышение комфорта жизни с последствиями войн Рима на эллинистическом Востоке II в. до н.э. По крайней мере, до конца Ганнибаловой войны меры по ограничению расходов граждан носили прагматический характер и принимались в момент наибольшей опасности с целью направить все средства общины на военные нужды, одновременно снизив социальное напряжение внутри римской *civitas*⁵¹. Ярким примером является деятельность цензоров, которой посвящен **второй параграф** «Цензура 214 г. до н.э.». Экстраординарный масштаб проблем, порожденных Ганнибаловой войной, объясняет обращение римских властей к самым неожиданным средствам наполнения казны. В поисках дополнительных финансовых источников римские власти обращаются к таким группам населения, как вдовы и сироты (которым посвящен **третий параграф** «*Aes hordearium* 214 г. до н.э.») и публиканы (**четвертый параграф** «Магистраты и публиканы в 215-212 гг. до н.э.»). В этой связи бросается в глаза ярко выраженный ограничительно - конфискационный характер законодательства 218-210 гг. до н.э., переложившего бремя финансовых проблем на самую состоятельную и знатную часть римского общества. Это, казалось бы, плохо сочетается с тем, что такая политика проводилась группой родовитых римских сенаторов, примером чего являются события 210 г. до н.э., проанализированные в **пятом параграфе** «*Edictum consularibus* и «заем» 210 г. до н.э.». Представляется, однако, что противоречие это кажущееся. Деятельность этой группы политиков отразила определенные сдвиги в общественной психологии римской *civitas*. При рассмотрении первых законов о роскоши часто упускается характерная для античного гражданского

⁵¹ Zanda E. Op. cit. P. 51.

общества ориентация не на простое равенство, а на равенство пропорциональное, когда слагаемые богатства и почестей определяли сумму обязанностей перед обществом тем большую, чем выше был социальный ранг гражданина⁵². Идущее из эпохи архаики уважение к родовитости трансформировалось в условиях гражданского общества в полисную идеологию, возлагавшую на обладателей богатства и общественного престижа несение главной тяжести проблем, встававших перед коллективом. В этом смысле правы те, кто указывает на идеологическую подоплеку первых законов о роскоши, укреплявших и сплачивавших римское общество в минуту опасности⁵³. Однако, законы 218-210 гг. до н.э. – это еще и показатель того, что римское общество конца III в. до н.э. уже прочно осознало свое новое качество. Наряду с утверждением социальной структуры гражданского коллектива, в обществе закрепляется соответствующая ей идеология, определявшая весь строй квирицкого мышления. Вступив в эпоху Пунических войн хотя и с вполне оформившимися гражданскими институтами, но с психологией, перегруженной рецидивами архаики, римское общество вышло из нее обновленным.

В **Заключении** подведены общие итоги исследования и сформулированы основные его выводы. Проведенное исследование позволяет выделить сумптуарное законодательство периода Ганнибаловой войны в отдельную группу, условно обозначив ее как «военные» законы. С победой над Карфагеном необходимость в дальнейшем принятии подобных законов, казалось бы, отпадает. Толчком к их возобновлению стала события 195 г. до н.э., когда в римском обществе развернулась широкая дискуссия вокруг предложения об отмене закона Оппия. К этому времени тяготы и лишения долголетней Ганнибаловой войны начинают уступать место все более заметным проявлениям роста благосостояния граждан, особенно в среде знати. Отмена *lex Oppia* в свете этого выглядит пробным толчком, открывавшим дорогу процессу неконтролируемого роста богатства и роскоши внутри римской общины. В то же время данная тенденция вступала в противоречие как с уже сложившейся к этому времени системой ценностей, так и общественной практикой, в основе которых лежал социальный опыт и мировоззренческие принципы наиболее массовой части римского общества – мелких и средних земельных собственников. По мере роста комфорта и благосостояния граждан, источники которого, как правило, были далеки от традиционного земледелия, возрастает и сопротивление новым явлениям, проявившим себя в жизни *civitas* уже в 80-е гг. II в. до н.э. Одной из форм борьбы с отмеченными тенденциям стало издание новой серии законов о роскоши, принимавшихся с небольшими интервалами на всем протяжении II в. до н.э. Будучи

⁵² Nicolet C. *Le métier de citoyen dans la république romaine*. Paris, 1976. P. 71-74, 82-84, 126-220

⁵³ Sauerwein I. *Op. cit.* S. 39-42; Кнабе Г. С. *Историческое пространство...* С.161-163.

созданными в условиях новой социально-экономической ситуации, эти законы уже существенно отличались от *legum sumptuarum* эпохи Ганнибаловой войны.

Заметную роль в событиях 195 г. до н.э. играл восходящий молодой политик, консул этого года Марк Порций Катон. В свое время М. Бонаменте высказала предположение, что римское сумптуарное законодательство первой половины II в. до н.э. было сферой деятельности Катона Старшего и его приверженцев, боровшихся подобным образом с растлевающим влиянием эллинистической цивилизации⁵⁴. Как представляется, итальянская исследовательница права, связывая возобновление сумптуарных законов с личностью Катона Старшего. В этой связи бросается в глаза определенная последовательность действий последнего. В поисках действенных средств, призванных минимизировать негативные тенденции в жизни римской общины, Катон обращается к законодательным мерам военного времени, приспособлявая их к условиям нового времени. Первой попыткой такого рода стала цензура 184 г. до н.э., в ходе которой были введены налоги на предметы роскоши, к которым были отнесены женские украшения, одежда, повозки, домашняя утварь и молодые рабы на основе десятикратной оценки их реальной стоимости. В 181 г. до н.э. по предложению плебейского трибуна Гая Орхия, поддержанного Катоном, был принят *lex Orchia*, ограничивавший число гостей во время пиршеств. О его содержании можно судить по сохранившимся у Макробия и Сервия фрагментам речей Катона (*Macr.Sat.III.17.34*; *Serv.I.726*). В 161 г. до н.э. по инициативе консула Гая Фанния Страбона был принят более строгий *lex Fannia*, также ограничивавший расходы на пиры и число гостей (*Macr.Sat.III.17.4*). Сообщение Авла Гелия показывает, что в консульство Гая Фанния Страбона и Марка Валерия Мессалы, незадолго до принятия закона Фанния, был издан сенатконсульт, требовавший, чтобы представители городской элиты (*principes civitatis*) клялись перед консулами во время Мегалезийских игр, когда они угощали друг друга обедами, не выходить за пределы определенной суммы, покупая продукты и вино, причем последнее должно было быть не импортным, а произведенным в Италии (*Sat.II.24.2*). Источники заставляют заподозрить, что представители знатных семейств пытались всячески обойти закон Фанния (*Gell.II.24.4-6*, ср. *Luc.13.1-6*). Видимо, как реакция на нарушение требований *lex Fannia* в 143 г. до н.э. был принят закон Тита Дидия. *Lex Didia* распространял действие закона Фанния на территорию всей Италии и привлекал к ответственности не только устроителей пира, но и гостей (*Macr.Sat.III.17.6*).

Законы о роскоши, принимавшиеся в 80–30-е гг. II в. до н.э. показывают, что к традиционному источнику трат фамильных ресурсов – предметам женской роскоши,

⁵⁴ *Bonamente M. Op. cit. P. 75-77, 81-83.*

одежде, повозкам, молодым рабам прибавляется новый, связанный с расходом денег на дорогие обеды и деликатесные продукты питания. Не вызывает сомнений, что желание авторов законопроектов этого времени ограничить расходы на пиршества и обеды в первую очередь объясняется изменениями, происходившими в жизни римских граждан со времени окончания Ганнибаловой войны. Помимо прочего они затронули и такую область, как повседневный рацион питания. Более того, именно перемены в области питания раньше всего проявили себя в жизни римской общины. Не случайно Ливий среди первых признаков роскоши называет появление поварского искусства (XXXIX.6.9). Возможность неограниченного потребления неизвестных до тех пор продовольственных продуктов и вин быстрее, чем другие нововведения пришла в противоречие со сложившимися в Риме традициями и нормами жизни. Известна как умеренность римлян в питании, так и ограниченность их рациона в ранний период истории Рима. При этом следует вновь обратить внимание на один важный момент – законы о роскоши II в. до н.э. отразили перемены, происходившие в первую очередь в среде знатных семейств. Устанавливаемые ограничения затрагивали, прежде всего, дорогостоящие продукты и вина, импортировавшиеся в Рим, а также возникшую в среде знати привычку к частым пирам с большим количеством приглашенных гостей. Как справедливо отмечает Г.С. Кнабе, с того момента, как богатство в Риме стало очевидным фактором общественной жизни, начинается периодически издание законов, делавших обязательным ограничение личных расходов⁵⁵.

Стихия постоянных пиров и неограниченного пищевого изобилия была чужда устанавливавшимся веками традициям бережливости, простоты и умеренности в быту. Запрет на пиры с большим числом гостей в среде знати или лиц, разбогатевших на торговле или откупах, видимо, был связан с тем, что подобное поведение вступало в противоречие с нормами полисного общежития. Было бы неверным говорить о том, что массовые пиршества были принципиально чужды римской общественной культуре. В источниках сохранились сведения о коллективных жертвенных пирах, проводившихся ежегодно 14 мая для всей римской общины за счет особого налога (Геркулесовой десятины), собиравшегося со знати и торговцев⁵⁶. Судя по сообщению Плутарха, они существовали, по крайней мере, до конца I в. до н.э. (Sull.35; Cras.12). Однако, в отличие от частных пиров, подчеркивавших богатство (и видимо, прямо связанный с ним новый стиль жизни, усвоенный на эллинистическом Востоке) отдельных домов, они не только воспринимались в контексте римской религиозной традиции, но, что важнее, носили

⁵⁵ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия... С. 648.

⁵⁶ Dionys.I.40.3; Verg.Aen.VIII.172-190; Plut.R.Q.18

коллективный характер. В литературе справедливо указывалось на архаические истоки коллективных пиров в Риме⁵⁷. Можно предположить, что в римской общине престижные пиры были неотъемлемой частью образа жизни *viri fortes* – аристократии архаического Рима⁵⁸. Однако, по мере возникновения и становления в римском обществе полисных начал, подобная практика теряет свою актуальность, хотя и не исчезает окончательно, судя по масштабным пирам, организовывавшимся Суллой или Крассом. Тем не менее, более созвучными новому гражданскому устройству римского общества оказались те обряды и церемонии, которые несли на себе печать общинно-коллективистского начала, как в случае с жертвенными «геркулесовыми» пирами, которые явно ориентировались на нормы и ментальные установки архаического общества. Возобновление же практики престижных пиров, демонстрировавших богатство и влияние отдельных семей, должно было восприниматься значительной частью римской общины как угроза тому общественному порядку, который в общих чертах сложился в IV-III вв. до н.э.⁵⁹.

Таким образом, исследование ранних законов о роскоши в древнем Риме позволяет прийти к следующему выводу. С точки зрения развития данного вида законодательства следует выделить две большие группы законов о роскоши, условной границей которых является окончание Ганнибаловой войны. К первой группе относятся законы, принятые в 218-215 гг. до н.э. (*lex Claudia*, *lex Metilia*, *lex Oppia*). Следует еще раз указать на некоторую условность употребления термина «законы о роскоши» применительно к плебесцитам последней четверти III в. до н.э. Как неоднократно отмечалось в литературе, эти законы преследовали иные цели: инкорпорацию рядовых общинников в структуры *civitas*, сокращение разрыва не только в юридическом, но и имущественном положении между различными группами граждан, сплочение гражданского коллектива в условиях военной угрозы со стороны Карфагена и др. В этом они ближе к эгалитаристским нормам, характерным для архаического социума, чем к «классическим» *leges sumptuariae* II в. до н.э. Ко второй группе относятся законы, принятые в 181-131 гг. до н.э. (*lex Orchia*, *lex Voconia*, *lex Fannia*, *lex Didia*, *lex Licinia*) в обстановке роста богатства и повышения качества жизни римских граждан. Их принятие в большей степени было обусловлено социальными и идеологическими мотивами, связанными с борьбой с различными

⁵⁷ Кофанов Л. Л. Коллегии торговцев Рима, цена их клятвы и общественные пиры // Торговля и торговцев в античном мире. М., 1997. С. 66.

⁵⁸ Ср.: Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 38 сл.

⁵⁹ Возникает закономерный вопрос, не является ли данное утверждение натяжкой, поскольку, хотя истинный масштаб запрещаемых пиршеств нам и не известен, они явно уступали по своим размерам тем же жертвенным пирам, посвященным Геркулесу, и вряд ли могли нанести серьезный ущерб гражданским устоям *civitas*. При всех сомнениях, однако, мы сталкиваемся с фактом того, что такое, казалось бы, сугубо частное проявления роскоши, вызвало столь острую реакцию в римском обществе, что потребовало принятия 9 (!) законов (и это не считая цензорских эдиктов и сенатконсультов) на протяжении II- I вв. до н.э.

проявлениями роскоши (предметное проявление которой, видимо, следует связывать с последствиями военного проникновения Рима в ареал эллинистической цивилизации), в связи с чем они уже в полной мере могут считаться «законами о роскоши». При этом, однако, связующим началом, объединяющим римские законы о роскоши разного времени, были традиционные нормы и ценности римской общины – *mos maiorum*, постоянно проецировавшие реальную жизнь на фон идеальных представлений о поведении и морали предков.

Основные научные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях.

Статьи в изданиях, рецензируемых ВАК

1. Квашнин В.А. Предпосылки возникновения законов о роскоши в древнем Риме / В.А. Квашнин // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» – 2006. – № 8. – С. 20-23.

2. Квашнин В.А. Проблемы интерпретации закона Клавдия 218 г. до н.э. в современной историографии / В.А. Квашнин // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». – 2007. - № 4/1. – С. 10-14.

3. Квашнин В.А. «Ячменные деньги» для Римской армии: вдовы и сироты на службе у общины / В.А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – Вып. XVII. – С. 52-59.

4. Квашнин В.А. Борьба с роскошью в деятельности цензоров 184 г. до н.э. / В.А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – Вып. XVII. – С. 59-66.

5. Квашнин В.А. *Lex Metilia fullonibus dicta* в античной традиции и современной историографии / В.А. Квашнин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Выпуск 21. – 2007. – № 18. С. 99-104.

6. Квашнин В.А. *Ius* и *pietas* в судебном процессе Мания Ацилия Глабриона / В.А. Квашнин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология, экономика». – Вып. 4. – 2007. – № 8 (39). – С. 99-104.

7. Квашнин В.А. Архаические законы о роскоши: к проблеме возникновения и путей развития / В.А. Квашнин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – Вып. 1.– 2008. – № 7. – С. 3-8.

8. Квашнин В.А. Предвыборная кампания 184 г. до н.э. и ее роль в формировании римской *civitas* / В.А. Квашнин // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2008. – № 1 (143). – С. 80-84.

9. Квашнин В.А. Катон Цензор и Сципион Африканский в Сицилии (205/204 гг. до н.э.): История и риторика в пространстве нарратива / В.А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – Вып. XXI. – С. 257-270.

10. Квашнин В.А. Два взгляда на *lex Claudia de nave senatorum* / В.А. Квашнин // Вестник древней истории. – 2009. – № 1. – С. 201-212.

11. Квашнин В.А. Римские законы о роскоши II в. до н.э. в зеркале современной историографии / В.А. Квашнин // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». – 2011. – № 14(76). – С. 24-81.

12. Квашнин В.А. *Lex Claudia* 218 г. до н.э. и его оценки в историографии / В.А. Квашнин // Вестник древней истории. – 2011. – № 2. – С. 43-63.

13. Квашнин В.А. *Edictum consularibus* 210 г. до н.э.: литургия, «заем» или конфискация? / В.А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4. – С. 45-54.

14. Квашнин В.А. Пифагор и Алкивиад на римском Форуме: Римские идеологемы IV–III вв. до н. э. в контексте средиземноморского культурного койне / В.А. Квашнин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4(3). – С. 22-26.

15. Квашнин В.А. Две цензуры эпохи Ганнибаловой войны / В.А. Квашнин // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 5 (1). – С. 16-19.

16. Квашнин В.А. Три загадки *EDICTUM CONSULARIBUS* 214 г. до н.э. / В.А. Квашнин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 1(13). – С. 58-69.

Монографии:

17. Квашнин В. А. Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда: Изд-во «Русь», 2004.– 138 с.

18. Квашнин В.А. Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда: Изд-во «Русь», 2006. – 162 с. (рец.: Реферативный журнал ИНИОН РАН. Сер.5 «История».–2008.–№ 1.–С. 13-18; Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 4. – С. 129-131).

19. Квашнин В.А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда: Изд-во «Русь», 2006.– 177 с. (рец.: Вестник древней истории. – 2009. – № 3. – С. 173-178).

20. Квашнин В.А. Генезис суртупуарного законодательства в древнем Риме. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009.– 126 с.

21. Квашнин В.А. Борьба с роскошью в древнем Риме: Генезис суртупуарного законодательства в IV-III вв. до н.э. Саарбрюкен: Издательство «Lambert Academic Publishing», 2011.– 120 с.

22. Квашнин В.А. Война, право и финансы в древнем Риме: Римская civitas и вызовы Ганнибаловой войны. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2013. – 163 с. (рец.: Вестник древней истории. – 2014. – № 3. – С. 200-204).

Статьи

23. Квашнин В.А. Катон Старший и римские женщины / В.А. Квашнин // Власть, человек и общество в античном мире: Доклады конференции Российской Ассоциации Антиковедов 1996-1997 гг./ Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М., 1997. – С. 330-340.

24. Квашнин В.А. Законы о роскоши начала Ганнибаловой войны и политические группировки в Риме / В.А. Квашнин // Античность и средневековье Европы. Межвузовский сборник научных трудов. / Под ред. И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1998. – С. 76-85.

25. Квашнин В.А. «Неизвестные» законы о роскоши эпохи Ганнибаловой войны / В.А. Квашнин // Антиковедение и медиевистика: Сборник научных трудов. / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Вып. 4. – Ярославль, 2002. – С. 27-34.

26. Квашнин В.А. Воспитание по Катону (К вопросу о традиционной системе воспитания в древнем Риме) / В.А. Квашнин // Tabularium: Труды по антиковедению и медиевистике / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Т. 1. – Москва, 2003. – С. 13-20.

27. Квашнин В.А. Отставка плебейских эдилов в 202 г. до н.э.: политика, религия и право в жизни римской общины / В.А. Квашнин // Tabularium: Труды по антиковедению и медиевистике / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Т. 2. – Москва, 2004. – С. 17-25.

28. Квашнин В.А. Политик в древнем Риме: между личным и общественным / В.А. Квашнин // Личность в политике, науке, культуре (всемирная история). / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2005.– С.21-25.

29. Kvashnin V. A. Early Laws on Luxury (III-II B.C.) in a View of Evolution Roman Civitas / V.A. Kvashnin // Diritto e Storia. Rivista Internazionale di Scienze Giuridiche e Tradizione Romana. – Электронный журнал. – 2006. – № 5. – Режим доступа: <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Kvashnin-Early-laws-luxury-roman-civitas.htm>.

30. Квашнин В.А. Сципион Старший и союзники: «неизвестные» аспекты подготовки африканской экспедиции 205 г. до н.э. / В.А. Квашнин // X Чтения памяти

проф. Н.П. Соколова: Материалы всероссийской научной конференции / Отв. ред. Е.А. Молев. – Нижний Новгород, 2007. – С. 69-75.

31. Квашнин В.А. Закон Клавдия 218 г. до н.э. и начало Ганнибаловой войны / В.А. Квашнин // *Para Bellum*. Военно-исторический журнал. – 2007. – № 27. – С. 5-14.

32. Квашнин В.А. К проблеме генезиса сумптуарных законов / В.А. Квашнин // *Право и государство, общество и личность: история, теория, практика*. Сборник научных статей участников II Всероссийской научно-практической конференции. Коломна, 2007. – С. 62-66.

33. Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики / В.А. Квашнин // *Адам&Ева: Альманах гендерной истории*. 2007. – № 14. – С. 50-71.

34. Квашнин В.А. Рим и эллинистический Восток: проблема контактов в зеркале права / В.А. Квашнин // *Восток-Запад: проблемы взаимодействия*. История, традиция, культура. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. А.В. Эдакова / Отв. ред. К. Б. Умбрашко. – Ч. 1. – Новосибирск, 2007. – С. 23-31.

35. Квашнин В.А. *Lex Claudia de nave senatoribus*: проблемы и подходы (на примере американской историографии) / В.А. Квашнин // *Античный вестник: Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья* / Под ред. В.Н. Вдовина. – Вып. 5. – Алматы, 2008. – С. 153-169.

36. Квашнин В.А. Законы о роскоши: генезис и пути развития / В.А. Квашнин // *IUS ANTIQVVM* / Древнее право. – 2008. – № 2 (20). – С. 102-113.

37. Квашнин В.А. Законы о роскоши III – II вв. до н.э. в контексте развития римской гражданской общины / В.А. Квашнин // *IUS ANTIQVVM* / Древнее право. – 2008 – № 1 (21). – С. 49-61.

38. Квашнин В.А. Законы о роскоши в раннеклассовом обществе / В.А. Квашнин // *Кондаковские чтения – II: Проблемы культурно-исторических эпох* / Отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород, 2008. – С. 112-118.

39. Квашнин В.А. Рим, эллинистический Восток и законы о роскоши: проблема контактов в зеркале права / В.А. Квашнин // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. / Отв.ред. И.В. Крючков. – Вып. 10. – Ставрополь-Пятигорск, 2008. – С. 43-60.

40. Квашнин В.А. «Ячменные деньги» для римской армии / В.А. Квашнин // *Para Bellum*. Военно-исторический журнал. – 2008. – № 29. – С. 31-44.

41. Квашнин В.А. Категории времени и пространства в тексте Катона Старшего: к вопросу о «старом рабе» (Cat.Agr.2.7) / В.А. Квашнин // Формы и способы презентации времени в истории / Отв. ред. С.Г. Мереминский. – М.: ИВИ РАН, 2009. – С. 37-66.

42. Kvashnin V.A. Did *leges sumptuariae* Exist in Rome? To Question About Corellation Terms LEGES SUMPTUARIAE and LEGES CIBARIAE / V. A. Kvashnin // *Diritto e Storia. Rivista Internazionale di Scienze Guiridiche e Tradizione Romana*. – Электронный журнал. – 2010. – № 9. – Режим доступа: <http://www.dirittoestoria.it/9/D&Innovazione/Kvashnin-Leges-sumptuariae.htm>.

43. Квашнин В.А. Пифагореизм и законы о роскоши / В.А. Квашнин // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» / Отв. ред. И.О. Ермаченко, С.М. Капилупи. – М.,; СПб., 2010. – С. 26-30.

44. Квашнин В.А. «Столовые законы» в древнем Риме: К вопросу о соотношении терминов *leges* и *sumptuariae leges cibariae* / В.А. Квашнин // *IUS ANTIQVVM* / Древнее право. – 2010. – № 1 (25). – С. 51-59.

45. Квашнин В.А. Городские и догородские традиции в раннем Риме в отражении X таблицы законов XII таблиц / В.А. Квашнин // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Ч. II. – Ярославль, 2010. – С. 17-21.

46. Квашнин В.А. «Щит и меч» Италии: были ли Фабий и Марцелл союзниками? / В.А. Квашнин // Древности / *Antiquites-2011*: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2011. – С. 360-370.

47. Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики / В.А. Квашнин // Народ и демократия в древности: Доклады российско-германской научной конференции. / Отв. ред. В.В. Дементьева. – Ярославль, 2011. С. 175-188.

48. Квашнин В.А. *Lex Publicia de cereis*: римский закон в контексте войны / В.А. Квашнин // Древности / *Antiquites-2012*: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2012. – С. 14-21.

49. Квашнин В.А. Дискуссия о сумптуарном законодательстве в исторической перспективе / В.А. Квашнин // Российское законодательство: стратегия развития в XXI веке. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Вологда, 2013. – 31- 35.

50. Квашнин В.А. Цензоры и публиканы: Три эпизода из истории Ганнибаловой войны // *Studia Historica*. Вып. XIII. М., 2013. С. 88-113.

51. Квашнин В.А. *Lex Cincia de donis et muneribus* 204 г. до н.э. / В.А. Квашнин // Древности-2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2013. – С. 48-58.

Тезисы докладов

52. Квашнин В.А. Об одном парадоксе римской истории: теория «упадка нравов» и практика «законов о роскоши» / В.А. Квашнин // История идей и история общества. Материалы V Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2007. С. – 28-29.

53. Квашнин В.А. К вопросу о характере «средней» республики в древнем Риме / В.А. Квашнин // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения акад. В. П. Бузескула. – Харьков, 2008. – С. 54-55.

54. Квашнин В.А. Проблемы интерпретации сумптуарного законодательства / В.А. Квашнин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Актуальные проблемы юридической науки. – Ч. 1. – Тольятти, 2008. – С. 71-73.

55. Квашнин В.А. Загадка плебейского трибуна 212 г. до н.э. / В.А. Квашнин // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII международной научной конференции. – Харьков, 2012. – С. 52.

56. Квашнин В.А. Пифагор и Алкивиад на римском Форуме: римские идеологи IV-II вв. до н.э. в контексте средиземноморского культурного койне / В.А. Квашнин // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. Материалы международной научной конференции XIII научные чтения памяти проф. Н.П. Соколова / Под ред. А.В. Махлаюка. – Нижний Новгород, 2012. С. 28-29.